

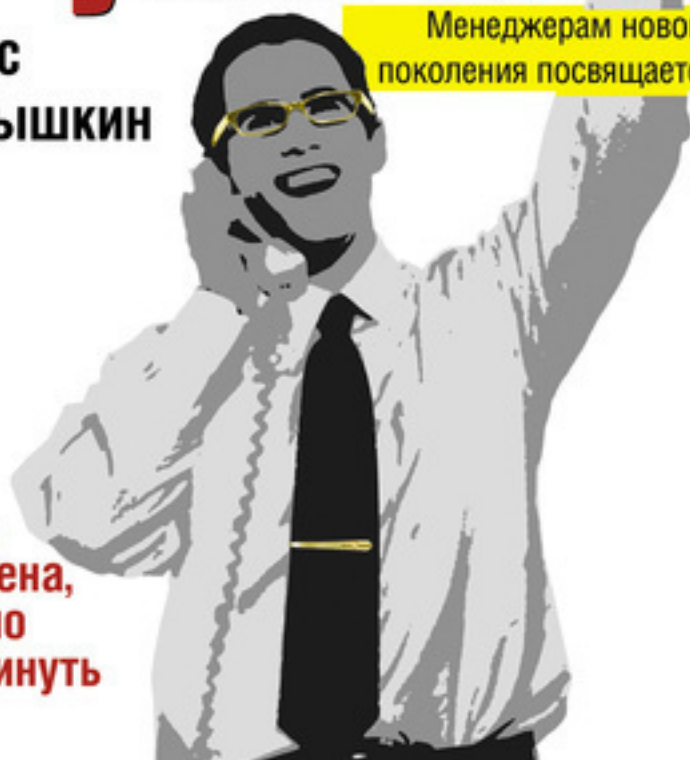
КОРПОРАТИВНЫЙ РОМАН

\$ТО причин убить босса

Макс
Нарышкин

Менеджерам нового
поколения посвящается

Шеф
не стена,
можно
подвинуть

Макс Нарышкин

Сто причин убить босса

«ЭКСМО»

Нарышкин М.

Сто причин убить босса / М. Нарышкин — «Эксмо»,

Автор ничего не придумал. Он просто собрал истории сотен офисных служащих и набрался смелости сплести их в один сюжет. Когда-то все персонажи романа были успешными вице-президентами, промоутерами, креативными директорами и копирайтерами. Но в один миг их мир сгорел дотла только потому, что все они желали большего, чем должны были иметь. Многие из них наложили на себя руки, кто-то сошел с ума, кто-то еще долго будет считаться пропавшим без вести, кто-то умер от спиртного, опустившись на самое дно московских трущоб. Но о них автор думает также мало, как и атеист об адских мучениях и райских наслаждениях. Да и судьба самой книги его мало волнует. Как ни крути, у истины нет шанса стать бестселлером.

© Нарышкин М.

© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	33
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Макс Нарышкин

\$то причин убить босса

Пролог

Ему советовали, его предупреждали, ему всячески давали понять, что девочка в красном платье, с тугой грудью и упругой попкой – не его поля ягодка. Ее не раз видели на заднем сиденье «Кадиллака» Орландо, и только одно это должно было насторожить русского и отказаться от идеи дружбы с Розалиндой. Но, познавая местные обычаи, русский жил по своим, а первый его закон гласил, что девочка, которая не замужем, – ничья девочка, и он имеет на нее столько же прав, как и Орландо, которым его пугают в Рио, как Бармалеем.

Эта ночь в бунгало была незабываема. На глазах у многих, кто тут же ретировался и сделал вид, что не узнает ни его, ни Розалинду, русский укрылся с нею в бунгало на берегу, и это была самая короткая ночь в его жизни... Эта ночь пролетела, как пуля, посланная в упор. Она хохотала, говорила русскому *si*, и тот пользовался этим на всю катушку. Когда говорят и пишут о том, насколько сексуальны женщины Бразилии, сразу вспоминаешь карнавал в Рио. Розалинда была из тех, кто любил в праздник танцевать самбу до иступления. Эта женщина поела любовь русского без остатка, и даже когда наступил рассвет, она дышала ему в лицо мятой своего дыхания и говорила *si*.

Они расстались, когда над океаном стало появляться солнце. Решив набраться сил в постели, он остался лежать под измятой за ночь простыней, а девочка, которую русский называл то Линдой, то Розой – в зависимости от настроения, сказала на деформированном английском «Гуд бай», но спросить, когда они увидятся снова, или не решилась, или не смогла.

Она выбежала, а русский закрыл глаза, вспоминая ущербность и бесталанность московских проституток. Но тут же вынужден был разлепить ресницы и вскочить, потому что на улице послышался испуганный вскрик Розы. Линда кричала, словно ее ужалила змея...

Быстро натянув джинсы, он выбежал и едва не упал, когда столкнулся с высоким пожилым негром. Бугрящиеся мышцы выглядели на пятидесятилетнем мужчине, как рудиментарный дефект. Наткнувшись на его деревянный взгляд, русский шагнул назад.

И когда стало ясно, что его просто заводят обратно в бунгало, русский все понял и успокоился. За все в этой жизни нужно платить. Он провел двенадцать дней беспечной жизни в Рио, и теперь приходится за это рассчитывать.

Из-за спины огромного негра вышел человек в темных очках и, в последний раз посмотрев на задницу своей девочки, лениво спросил:

– Тебе известно, русский, что оскорбление в Бразилии смывают кровью?

Отступив вглубь комнаты, русский вдохнул воздух океана и нащупал на тумбочке пачку сигарет.

– *Orlando, no, no!..*

Этот крик Линды словно разрезал тишину рассвета. Русский слышал, как она кричала и билась в истерике и как хлопали дверцы машины. Дверцы знаменитого белого «Кадиллака-Визон» Орландо.

Крикнув что-то на испанском в сторону запертой двери, Орландо вынул из-за пояса тяжелую «беретту» и, нервно дергая щекой, повторил для русского, перейдя с испанского на английский:

– Она должна это слышать, русский...

Когда он увидел черный зрачок среза ствола, душа его умерла за мгновение до выстрела. И жизнь промчалась перед глазами русского рекламными роликами самых ярких эпизодов...

Последнее, что он увидел, была вспышка огня, которым озарился зрачок...

«CORREIO BRAZILIENSE»:

Британская поп-звезда, композитор, музыкант и певец Элтон Джон выступит с единственным концертом на всемирно известном пляже Копакабана в Рио-де-Жанейро.

Шоу, которое обещает стать очередным рекордным представлением, будет бесплатным.

По сообщению пресс-службы мэрии Рио-де-Жанейро, концерт состоится 20 января, в разгар летних отпусков и школьных каникул в Южном полушарии. Для выступления будет сооружена специальная сцена наподобие той, на которой выступали в феврале этого года «Роллинг Стоунз». Концерт продлится 2 часа 40 минут. Это будет расширенная версия шоу The Red Piano (Красный рояль), идущего сейчас на сцене знаменитого Coliseum Art Caesar's Palace – Сезарс Пэлэс – в Лос-Анджелесе.

Элтон Джон решил включить в концерт свои лучшие произведения, написанные им за более чем 30-летнюю карьеру. По оценкам мэрии, на концерт сэра Элтона придут не менее полумиллиона жителей и гостей Рио-де-Жанейро...

Вчера на территории пляжа «Копакабана» обнаружен труп с восемью пулевыми ранениями.

Сразу после убийства труп был сожжен, однако по остаткам документов личность убитого удалось установить. Им оказался гражданин России Евгений Медведев. Как стало известно полиции, приехав в Рио-де-Жанейро двенадцать дней назад, он пренебрег инструкциями персонала гостиницы и принялся вести не приветствуемую местными обычаями и нормами морали жизнь. Его неоднократно видели в дешевых ресторанах в криминальных районах города, где он распивал спиртное с подозрительными личностями и женщинами легкого поведения.

Полиция ссылается на тайну следствия и скрывает факты, однако, как стало известно из заслуживающих доверие источников, смерть русского туриста Евгения Медведева – месть за женщину, которую он соблазнил...

Глава 1

Я в офисе. Двери лифтовой кабины уже готовы сомкнуться, но я забрасываю внутрь руку с портфелем и после молнией проникаю сам. Двери закрываются.

Можно было не торопиться, более того, на второй этаж нетрудно подняться и пешком, но в кабине – Виктор Лебедев, начальник отдела по работе с клиентами, и девочка с первого этажа – представительница стафа¹. Я вижу ее впервые и профессиональным чутьем хорошо знакомого с корпоративной системой человека тотчас улавливаю в ней настроение только что озадаченного плеевой проблемой рядового сотрудника. Скорее всего, это вообще не проблема, но девочка только что принята и задание отвезти на второй этаж документы она готова выполнить, пройдя даже по трупам.

По лестницам с первого этажа на второй у нас не ходят. Для этого используется движущийся медленно, как удав, зеркальный лифт. Куда быстрее взметнуться по лестнице, но все знают, что это удел сантехников и прочей черни.

Виктор смотрит на меня, и я медленно опускаю ресницы. Лебедев тотчас вынимает из кармана тубус с «Диролом».

– Угощайтесь, – одну подушечку он отправляет в рот, вторую выдавливает на ладонь и предлагает девочке.

Отказаться она не в силах. Справа и слева от нее по управленцу крупной компании, Chief Executive Officer's, и когда ты первый день на работе, не нужно строить из себя целку.

Чтобы не обделять меня, он протягивает перед девочкой руку, вероятно, нечаянно касаясь рукой ее торчащих из кофточка сосков.

– Нет-нет, спасибо, – вежливо, но решительно отказываюсь я.

Дождавшись, пока первый поток прохладной сладости будет ею проглочен, спрашиваю:

– Как ваши дела, Виктор?

– Результаты анализов, к сожалению, все хуже и хуже.

– Что, никаких надежд?

– Надежда всегда есть, но вы сами знаете, Евгений Иванович, сифилис быстро не лечится.

Краем глаза я замечаю, что девочка перестает жевать и мертвым взглядом смотрит на свое отображение в зеркале.

– Вы же что-то прижигали там, под языком?

– Бесполезно, перешло на пальцы. Сейчас чешется между пальцами ног.

– Между какими?

– Между большими.

Наконец-то она приехала. Пулей вылетев из кабины, потерявшая привлекательность новенькая несется к первой попавшейся на глаза урне и выплевывает источник свежей мяты. Ее взгляд скользит по дверям, и я знаю, что она ищет – комнату для девочек.

Я подставляю ладонь, Лебедев бьет по ней своей, и мы расходимся. Его кабинет слева в конце коридора, мой – справа.

Где-то на середине пути мой слух ловит сочный монолог.

– В этой жизни определено только то, что нет ничего определенного. Каковы бы ни были правила игры сегодня, завтра они уже будут другие. Я в шоке. Что это такое? Что это, я спрашиваю? «Крупной компании требуются на работу менеджеры». Это порно. Человек с опытом работы, прочитав такое, сразу пропустит мимо внимания. Представь, что «Найк» набирает на работу менеджеров. «Крупной компании „Найк“... Какое слово здесь лишнее?.. О, да ты уже начинаешь догонять! Правильно, лишнее слово – „крупной“! Хотя по отношению к

¹ Рядовой персонал (здесь и далее – корпоративный сленг).

„Найк“ здесь вообще два первых слова лишние! „Найк“ не будет платить рекламе за первые два слова, потому что только идиот может заподозрить, что „Найк“ не крупна или что это не компания. „Вижуэл“ – не „Найк“, но никогда, ты слышишь, – никогда не проси рекламистов указывать, что „Вижуэл“ – крупная компания! Крупной компании нет необходимости заявлять, что она крупна. А мозг соотечественника устроен таким образом, что рекламу он принимает с точностью до наоборот. „Крупной“ нужно исправить, „компаний“ – убрать. Я вижу: „Вижуэл“ ищет партнеров по реализации креативных идей. Конкурс. Просьба занимать очередь с 7:00 по адресу...» Какой там у нас адрес?..

Откуда это:

Каждое утро в нашем заведении начинается одинаково?

Если ваши нервные окончания еще не готовы перестроиться на нормальное восприятие, я даю следующий кусок:

Как всем известно, труд облагораживает человека, и потому люди каждый день ходят на работу. Лично я хожу на службу, потому что она меня облагораживает.

Если ваш мозг еще не до предела загажен коксом, а нос поутру не немеет от дозы, и если вы в состоянии вспомнить, что это цитаты из «Служебного романа», значит, вы еще жилец.

Так вот, каждое утро в нашем заведении начинается одинаково. Я паркую свой «Мерседес» у здания, проникаю в холл, поднимаюсь на лифте на одиннадцатый этаж и материализуюсь в офисе. Мой кабинет в конце стеклянного коридора, и, проходя каждый день в 8:15 мимо распахнутой настежь кабинетной двери креативного директора Марии Белан, слышу ее возбужденный голос. Каждое утро она учит правильно работать того, кого ей посчастливилось выловить поздним вечером минувшего дня. Сегодня очередь Олега Панкратова, менеджера отдела арт-проектов. Минувшим вечером он то ли от бессилия, то ли из-за злости, что у него второй год ничего не получается, создал шедевр. Ему было велено составить объявление на телевидение о приеме на работу новых кадров. Он составил. И сейчас я убеждаюсь, что в свой труд он не вложил частичку своей души. Он был отловлен Машей вечером и приглашен, как обычно, на семь утра для беседы.

Маша Белан в принципе баба нормальная. Если бы в ее голове не бродила, как бродит после месяца отстоя бражная пена, идея о всеобщем самосовершенствовании, я бы захотел с ней, наверное, переспать. Красивая девочка двадцати шести лет, она приходит на службу, как рязановская Людмила Прокофьевна, раньше всех, и уходит позже всех, из чего, по-рязановски, можно было бы сделать вывод, что она не замужем. Однако времена правильных мыр миновали, наступила эпоха сексапильных леди-вамп, и Маша Белан, наш креативный директор, наоборот, замужем. Я вижу и слышу ее каждый день, и от одной только мысли, что она вдруг может заговорить со мной во время соития, меня бросает в дрожь. Кажется, даже идею страстного, как бы случайного траха она обязательно проработает до конца, чтобы не было никаких зацепок.

У нее, как и у всех женщин, есть привычки, которые не в силах исправить даже уходящие годы. Со всеми своими партнерами я веду речь о партнерах по бизнесу. Поскольку других партнеров у Маши быть не может, она встречается с ними в роскошном ресторане «Торнео» на Большой Якиманке. Академический стиль подачи блюд, изысканная кухня и ненавязчивая музыка делают атмосферу заведения идеальной для переговоров. Как правило, на следующий день после такого ужина все бумаги подписываются в течение двух часов.

Второй привычкой нашего креативного директора является утренний разнос тех, кто не справился с заданием, получив его вчера. Против ресторана «Торнео» я ничего не имею, но вот эта Машина привычка произносить по утрам напутственные монологи портит мне настроение. Это происходит почти каждый день, а дорога в мой кабинет пролегает через владения креативного директора. Поэтому с некоторых пор я пошел на хитрость. Приближаясь к лестнице, ведущей с первого этажа на второй, я набираю номер телефона менеджеров по арт-проектам и

прошу пригласить к трубке Белан. За то время, пока она ходит туда-сюда, я успеваю подняться, пройти в свой кабинет и запереть дверь.

Сегодня я забыл это сделать, поэтому и являюсь свидетелем безобразной сцены.

Олег вваливается в мой кабинет, когда я вливаю в чашку кипятка. Две ложки растворимого кофе тотчас всплывают вверх, как две кучки дерьма, и я быстро их размешиваю, пытаюсь убедить себя в том, что они хороши.

Олег один из тех людей, чье лицо, случайно познакомившись, не можешь вспомнить на следующий день. Его зовут на выпивку в последний момент, когда выясняется, что более не с кем. Олег Панкратов – скучный одноцветный трудоголик. Он может говорить о работе, не прерываясь ни на минуту, сутками. При этом с лица его не будет сходить страдальческое выражение, так что сразу становится понятно, что труд его не облагораживает, а, напротив, деградирует. Каждая фраза, каждое слово, написанное им на бумаге, Панкратова вводит в депрессию. Он убежден, что все, что он делает, все равно подвергнется обструкции. Но он борется с собой, он самосовершенствуется. В этом ему помогают все – от Маши до водителя Леонида. Я в этот процесс не вмешиваюсь, поскольку уже облагорожен, а тенистая должность заместителя президента компании позволяет не вмешиваться во многие процессы. То есть класть на все с прибором. Именно по этой причине, и еще потому, что я единственный, кто в компании не требует занесения в личный портфолио кейсов, достойных гения, Олег приваливается ко мне душой, не переходя, однако, границу дозволенного.

– Кофе будешь?

Он кивает и медленно садится. У него вид человека, решившего обойти офис и пообщаться со всеми перед повешением.

– Если кто-нибудь сегодня спросит, отчего умер Панкратов, сказать, что от разрыва диафрагмы, не значит погрешить против истины?

Временами мне кажется, что Маша Белан умело маскирует под юбкой что-то, что имеет вопреки расхожим представлениям о поле. Иногда, когда выдается свободная минутка, а у меня их хоть отбавляй, я задумываюсь о Маше. Справедливости ради нужно заметить, что я задумываюсь не только о ней, но и о других сотрудниках. Но Маша меня привлекает все-таки больше, она тот объект, который не поддается характеристикам. И вот, когда приходит очередь думать о ней, я задаюсь только одним вопросом: если женщина любима дома, регулярно занимается сексом и роль внизу ее все-таки устраивает, то откуда вот эти утренние гейзеры энергии? Я понимаю, после секса хочется пить и танцевать, но зачем танцевать на костях слабых мужчин? Или роль внизу не устраивает и эти энергичные разносы в семь утра – компенсация за нанесенный моральный ущерб ночью?

На Панкратова страшно смотреть. Его не интересуют глубинные размышления, подобные моим. У него нет для этого ни свободной минутки, ни мозга, который можно использовать в это время. Панкратов работает. Он хочет быть лучше. И однажды стать лауреатом премии «Лучший сотрудник рекламных компаний года». До этого момента, я уверен, пройдет очень много лет. Олег состарится, обрюзгнет, но до конца дней своих будет ходить по офису с испорченными рукой креативного директора черновиками и жаловаться на невостребованность своего уникального таланта. Он один из тех, кто убежден в наличии у себя одного таланта в связи с отбором удачи. Одним бог, по мнению Панкратова, дает талант, другим – удачу. Ему он дал талант и хреновых руководителей.

– Я не понимаю, что происходит с Марией Антоновной, – бубнит он, сворачивая и разворачивая черновики текстов. – Зачем эти придирки к запятым? Неужели для того чтобы пригласить на работу одного менеджера, нужно создать рок-оперу?

Я отхлебываю кофе и убеждаюсь, что со вчерашнего дня его вкусовые качества не изменились. Все тот же «Нескафе», выпив который на необитаемом острове, становится так плохо, что нет сил махнуть пролетающему над головой самолету. Я все утешаю себя мыслью о том,

что минувшим днем у меня было плохое настроение или я просто перекурил. Оттого и кофе странен на вкус. Я говорю себе: потерпи, Женя, скоро в офисе поставят автомат с эспрессо, но приходит утро, Рогулин снова тянет с аппаратом, и я опять начинаю размешивать в чашке субстанцию, очень похожую на порошок для стирки коричневых вещей.

– Формально она права, Олег, – я улыбаюсь, но говорю сухо. Это лучший способ показать подчиненному, что ты начальник, не взбираясь при этом, однако, им на шею. – «Вижуэл» – единственная в Москве рекламная компания, которая известна всем. Наши растяжки на Никитской и Арбате, Ленинградском и Шаболовке, и ты скажи мне, старик, видел ли ты когда-нибудь под словом «Вижуэл» пояснение, что «Вижуэл» – это рекламная компания? Я видел, как Алсу с рекламного щита предлагает телефон: внизу, чтобы было понятно, написано: «АЛСУ, певица». Но «Вижуэл» – другое дело. Ты составил слишком длинный текст. А истина длинной не бывает.

Панкратов пьет кофе и сереет на глазах.

– Олег, ты когда последний раз занимался сексом?

– То есть?

– То есть ты уже даже не знаешь, что это такое? Я наблюдаю за тобой весь последний год, и мне кажется, что за все это время ты не испытал ни одного оргазма. Я дам тебе один бесплатный совет. Но если ты им не воспользуешься, больше ко мне не приходи, понял?

Панкратов ничего не понял.

– Сейчас же отправляйся в отдел корреспонденции и начинай клеить понравившуюся девочку. Ирочку и Верочку не тронь, они замужем. В принципе ничего такого в этом нет, но я не уверен, что после такого депресняка ты сверкнешь талантом обольстителя. Скорее твои попытки влюбить в себя будут напоминать желание кого-нибудь отодрать в отместку за неудачу с рекламой. А потому начинай с Эммы. Уведи ее в обед не в долбаный фастфуд, а в нормальное кафе с пельменями. Вечером проводи домой, и я уверен, что она предложит тебе посмотреть марки, которые собирала в шестом классе. Утром ты будешь выглядеть как человек, а не как выбравшийся из могилы труп... Простите, Леонид, это ничего, что у нас тут важный разговор?

Водитель, словно украдкой пробравшийся в мой кабинет, украдкой и исчезает.

Панкратов его даже не заметил. Его лицо от оценки масштабов того, каким образом придется лечить ущерб, нанесенный ежедневными придирами, меняется на глазах.

– Взять бы ее за шиворот и мордой об... – по глазам его я вижу, что он ищет в кабинете предмет, от соприкосновения с которым безупречный макияж Марии Белан пострадал бы сильнее всего. – Об батарее... Об эту, советскую, с секциями... Туда-сюда...

– Если собираешься мстить, рой сразу две могилы.

Он представления не имеет о способах выживания в корпоративной среде. Не исключено, что Панкратов добился бы большего, если бы занялся частным бизнесом, например организацией платной парковки. Но ему это не придет в голову, потому что Панкратов скорее умрет, чем начнет думать продуктивно.

– Все, Олег, твое время вышло.

Он поднимается и выходит. Сегодня его или заберут в милицию за изнасилование, или завтра он явится на службу другим человеком.

Его место занимает водитель Леня. Он один из тех, кто позволяет себе с разбегу садиться на стул в кабинете топ-менеджмента, поскольку бывший водитель ФСО, уволенный за пьянку, – единственный, кто знает, как объехать пробку на Кутузовском.

– Евгений Иванович, мы уже опаздываем.

«Иванович» он выговаривает правильно, не сваливаясь на «Иваныч». Сказывается служба. Там «Владимирычем» пассажира называть не будешь.

– А куда мы опаздываем?

– Ну, вы же с Рогулиным вчера договаривались, что он с утра в министерство лично, а вы на мне в «Адидас»... – и он замолкает, предоставляя мне право напрячь память.

А она у меня, что очевидно, ни к черту. Именно так мы вчера с Рогулиным, черт бы его побрал, и договаривались. И я уже должен быть в пути, а не пить кофе в кабинете.

– Но мы договаривались на десять, а сейчас девять, – я невозмутимо и даже недовольно выбрасываю в сторону руку, чтобы показать Лене золотые «Лонгинес». В ФСО он насмотрелся на такие вдоволь, поэтому я его не удивить хочу, а спросить, может ли быть такое, чтобы он за час не доехал до офиса «Адидас» на Воздвиженке.

Леня расстраивается, его очередная попытка стукануть Рогулину на заместителя сорвалась. Теперь, если он, лучший из водителей, опоздает, выволочка предстоит ему. Он огорчен: он видит мои прозрачные глаза и порхающую на губах улыбку. Мы оба знаем, что Леня не может избавиться от давней служебной привычки. Она зародилась лет пятнадцать назад, когда он понял правила охраны первых лиц страны, и избавиться от нее не может до сих пор. Леня стучит на всех, начиная от курьеров, заканчивая мной. Леня глубоко убежден в том, что слив информации главному укрепляет его реноме незаменимого водителя, который знает не только способы объезда пробки на Кутузовском, но и многое другое, что не очерчено его функциональными обязанностями извозчика. Леня сдает всех Рогулину, делает это, надо отдать ему должное, искусно, но всякий раз, когда он пытается выставить в дураках меня, его планы горят синим пламенем. Вот он опять попробовал и снова понял, что если к десяти он не успеет к офису «Адидас» на Воздвиженке, Рогулин будет об этом знать. Я никогда не сливаю подчиненных, но Леня Рылов – отдельный случай.

Слегка помятый обстоятельствами Леня вышел заводить «Мерседес», а я накинул пиджак и направился вслед за ним. Проходя мимо двух дверей с изображением силуэтов мужчины на правой и женщины на левой, я вошел в тот, что был обозначен треугольником, одна из вершин которого направлена вниз. Мне показалось невозможным по прибытии в «Адидас» первым делом справиться о нахождении сортира. Зассанцев не любят нигде. Само посещение туалета дело настолько же нормальное, как и питье воды, и вряд ли может быть такое, чтобы топ-менеджмент «Адидас» отправлял естественные надобности иным способом, но почему-то факт посещения туалета в малознакомом месте многие считают за моветон. Как бы то ни было, видимо, я тоже заражен такой мнительностью, если, даже опаздывая, не терплю до Воздвиженки, а тороплюсь в наш туалет.

У нас в «Визуэль» деление туалетов по половому признаку находится в решительном противоречии с библейскими канонами. Чтобы не заморачиваться художественными изысками, наш завхоз дядя Прохор раздобыл где-то два одинаковых бронзовых треугольника и приколотил их к дверям в соответствии с собственными представлениями о разделении полов. Собственно, так сортиры обозначают везде – острие треугольника вниз, то бишь пиджак – мужская уборная, острие вверх, юбочка – женская. Но в день основания компании прибывший освящать помещения дьячок Георгий, ведомый нуждой, воспользовался конфессиональными представлениями о половых началах, то есть вошел в дверь, обозначенную не как «чаша», но как «меч». В это время в уборной находилась не имеющая никаких понятий о символах единения мужчины и женщины: двух разных и священных начал, где значилось, что треугольник вверх – сие есть «меч», а треугольник вниз – сие «сосуд», главбух Антонина Макаровна Рычкова. Они встретились где-то во глубине уборной с задранными до груди полами одежд, и это было, пожалуй, единственное, что омрачило праздник.

Быстро справившись с проблемой, я взял с раковины мыло и бросил взгляд в зеркало. На меня из него смотрел успешный, безупречно выбритый молодой человек в розовой сорочке с подобранным в тон галстуком, в отутюженном костюме без малейшего изъяна.

Грубо отобрав у зажимистого стеклянного колпака несколько бумажных полотенец, я вытер руки, скомкал расплзающуюся бумагу и, прицелившись, бросил ее под ноги, в урну.

Наверное, я так бы и ушел, довольный собой, но что-то заставило меня задержаться. Когда влажный клубок плюхнулся в полупустую урну, я заметил то, чему в туалете самое место, но что в данный момент должно было находиться не в урне, а на столе менеджера Панкратова. Несколько стандартных листов формата А4 стояли в урне колом, слегка прогнувшись по окружности корзины. Я наклонил голову и напряг зрение. Да, все верно. Это придуманное Олегом объявление о наборе сотрудников, правленное рукой Маши Белан. Но из-за этих листов сероватого цвета выглядывали еще несколько белоснежных, и выступающий на полях почерк показался мне еще более знакомым.

Уже ни на йоту не сомневаясь, что Олег от расстройства дернул со стола Белан не только свои листы, а еще прихватил несколько набросков креативного директора, я наклонился и вынул писанину из урны.

Мария Белан из тех, кто использует компьютер как печатную машинку только когда пишет чистовик. Черновики они изготавливает рукой. Так, видимо, было и на этот раз. Исписав два листа, Машенька положила их на стол, не подозревая, что огорченный творческим провалом Панкратов свалит вместе с ними.

В туалете пахло табачком и апельсиновым мылом, которым я мыл руки. Не нужно быть Мегрэ, чтобы представить, как развивались события. Выйдя от меня, Панкратов зашел в туалет. Швырнул принесенное в урну, выкурил последнюю сигарету и отправился писать новое предсмертное объявление о наборе в «Вижуэль» новых сотрудников.

Я уже слишком долго нахожусь в туалете. Убедившись, что бумаги чистые и на них никто не успел наплевать, я сунул их в карман и быстро спустился к крыльцу. Не знаю, зачем мне нужны эти бумажки Белан, но разве я не говорил, что думаю о Маше чаще, чем об остальных?

Водитель Леня имел скорбный вид. Я, то есть он, не успевал к десяти. И это потом будет поставлено ему в вину. А не нужно было называться самым крутым водилой Москвы, козел.

В коридоре у самого порога меня задержала Раиса Чельникова, менеджер отдела по работе с клиентами, где за начальника Витя Лебедев.

– Слушай, нужно поговорить.

– У меня внешняя встреча.

– Срочно, Евгений!

Быть объявленным отцом я не опасаюсь, с Раечкой у меня ничего похожего быть не может, и я, распахнув дверь и одновременно поглядывая на часы, запускаю ее к себе.

– Я хочу показать тебе кое-что.

– Ну-с.

Мне в руки лег лист. Такие обычно копируют со страниц веб-сайтов. Какой-то форум. Маркером обведено то, что, по мнению Чельниковой, должно привлечь мое внимание.

«Черный Ворон» – под таким псевдонимом некто писал:

«Наш заместитель президента – тихий бес. Его голубая мечта – забраться в кресло президента. Он не годен и для работы разносчика пиццы, но руководит коллективом в несколько десятков человек. Кто-то сказал, что он хороший рекламист. И он сам в это поверил. И вот теперь его мечта сдвинуть нашего босса, инфантильного малого, который каждый вечер, запершись в кабинете, меряет линейкой свой член. Он словно бы не знает, что кабинет его на всякий случай просматривается охраной, а быть может, потому и меряет, что знает».

После этого следовал откровеннейший бред, сержантский юмор, и я недоуменно уставился на Раю.

– В чем дело, дорогая?

Я всех, чтобы не обижались, называю дорогими.

– Я думала, что ошиблась, но ты посмотри...

И мне в руку, грея ладонь, вполз второй лист.

Кажется, это называется ЖЖ.

Черный Ворон продолжил литературное творчество уже в этом формате. Он описывал все что ни попадя, но главной темой был, конечно, заместитель президента, дурак и сексопат. Черный Ворон рассказывал, как зам играет у себя в кабинете в футбол сам с собой, как пьет чашками кофе, потому что ему не хер делать, как заваливает на стол ноги в присутствии женщин, словом, описывалось все, что взятое вместе представляло собой исчерпывающую характеристику тихого шизофреника. В общем-то, себя я узнал сразу. Это все обо мне, но немного сгущены краски. В моем кабинете действительно есть футбольный мяч, мне его привезли с чемпионата мира в Германии, и я беру его всякий раз, когда мы отправляемся в футзал по пятницам. В офисе я его не попинываю. Я действительно пью много кофе. Но тогда, когда хочу, а не когда мне нечего делать. И у меня есть привычка закидывать ноги на стол, но я их снимаю вниз сразу, едва в кабинет заходят не только женщины, но и мужчины.

Словом, Раечка хочет мне сдать кого-то, кто выступает под мистическим литературным псевдонимом «Черный Ворон», предостеречь, укрыть.

– У нас в России наиболее известны две птицы – Черный Ворон и Белый Лебедь. Если предположить, что Черный Ворон – это искаженный до неузнаваемости негатив настоящего лица, то следует, верно, предполагать, что Черный Ворон – это Белый Лебедь, – я делаю паузу, чтобы Раечка догнала ход моей мысли. – Автору этого ЖЖ, безусловно, следует пригласить к себе консультанта по карьерному росту, чтобы тот занялся с ним коучингом². Чересчур слабо защищено авторское право, фантазии моделируют примитивные образы. Спасибо, Раечка. Но отнеси это Рогулину, пусть почитает, чем занимается его зам.

Я подмигиваю ей, оцепеневшей, и выхожу.

² Профусовершенствование.

Глава 2

Теперь о главном. Зачем я еду в «Адидас».

Пока Леня изо всех сил пытается предотвратить вечерний разнос за опоздание, то есть мчится по тротуарам и на красный цвет, у меня есть время, чтобы подумать о том, до чего могут прийти люди в своем желании нарвать зеленого бабла.

Жили-были два брата. Рудольф Дасслер и Адольф Дасслер. Видимо, в какой-то период произошел надлом их отношений, и они решили, что заколачивать бабки вместе нет никакой возможности. Руди основал свою фирму – так появилась «Пума», а Адольф, так же как завхоз дядя Прохор, решил не заморачиваться поиском художественного варианта и составил название своего детища из трех первых букв своих имени и фамилии. Уменьшительное от Адольф – Ади. Так появился Ади Дасслер, то есть «Адидас». Причина ссоры тривиальна – Рудольф не мог простить Адольфу, что после войны тот не попытался вызволить его из лагеря для военнопленных, используя знакомство с американскими офицерами. В любом случае после развала семейного предприятия братья друг с другом не разговаривали, а «Пума» и «Адидас» стали самыми ожесточенными конкурентами. Чувствуете аромат? Совсем недавно очень похожее на то происходило в Москве, где жена одного мэра никак не могла простить своему брату чего-то и заработала конкурента. Внезапно «Адидас» состарился раньше времени. Произошло это неожиданно, но предсказуемо. То же самое скоро случится и с «Вижуэль», если Рогулин не прислушается к моим советам не отрабатывать старые номера, приносящие стабильные доходы, и не внедрять новых технологий рекламы. «Адидас» – ярчайшее подтверждение моих слов. К 1990 году его стали воспринимать как нечто приевшееся, примелькавшееся и тем обрыдлое. Я читал книжку Томаса Гэда «4D Branding», и об «Адидас» начала войны «Бури в пустыне» он пишет как о чем-то вчерашнем. Когда убытки составили 100 миллионов долларов, а «Найк» и «Рибок» задавили рынок, стало понятно, что пришла пора брать новые краски и чистый холст. Креативные идеи «Найк» восхищали спортивный мир и обывателей, их реклама дышала жизнью, а запыленные слоганы «Адидас» привлекали взгляды потребителя с тем же успехом, с каким привлекает посетителей стертая вывеска у придорожного кафе.

Четырнадцать лет назад новая команда привлекла в свой лагерь новых специалистов по рекламе, и те стали писать новую историю «Адидас». Первое, что сделал этот менеджмент, – переманил из «Найк» и «Рибок» ведущих PR-менеджеров (ха, кто бы сомневался, что с этого нужно начинать!). В «Адидас» отказались от работы с розничными сетями, и очень скоро появились первые специализированные магазины.

Реклама била рекорды привлекательности. Уже через три года «Адидас» выступил генеральным спонсором Олимпийских игр, и это была самая апофеозная реклама продукции. Рост последующих продаж составил пятьдесят процентов. О такой сверхприбыли не предполагал даже сам Карл Маркс, уверявший, что буржуазия готова разорвать кому угодно задницу, в том числе и самой себе, за двенадцать.

И вот теперь переходим в главной теме – если кто не заметил, что я формирую речь для ребят из «Адидас», то советую вникать в мои мысли более тщательно!

Чтобы оказаться в струе времени и найти своих потребителей, менеджеры Adidas проявили пристальное внимание к новым видам спорта, например, привезли в Европу стритбол, активно стали работать с новыми молодежными веяниями и течениями, благодаря чему удалось завоевать симпатии американской и европейской хип-хоп и рэп-культуры.

В 1997-м «Адидас» купил французскую фирму «Саломон», ведущего производителя товаров для зимнего спорта, и теперь концерн называется «Акционерное общество „Адидас-Саломон“». Этот шаг позволил фирме стать вторым по величине мировым производителем

спортивных товаров после „Найк“. Продажи компании составляют шесть с половиной миллиардов евро, а прибыли оцениваются почти в триста миллионов.

Обойти вниманием такого клиента, как «Адидас», со стороны «Вижуэль» было бы форменным идиотизмом. Я не знаю, сколько денег вбухал в конкурс Рогулин, но, видимо, немало, если он посылает в гости меня, а не автора идеи сотрудничества с «Адидас» Машеньку Белан. На рекламе немцев можно кормиться вечно. Этот бренд – заботливая приемная мама, которая никогда не бросит дитя, рисуящее ей пасторальные картинки.

Рогулин не поехал сам, потому что всем известно – у него во рту мухи трахаются. Он не сможет связать и двух слов из нескольких сотен тех, которые должны занять свое место и обосновать для топ-менеджмента «Адидас» необходимость работы с нами, а не с тем же «Ребусом». Те уже оседлали «Рибок», и я не сомневаюсь, что гонцы с правильными письмами к директорату «Адидас» уже подъезжали.

Это просто удивительно, как я умудрился забыть о своей поездке. Всему виной, видимо, была девушка без адреса... Я сейчас напрягаю память и убеждаюсь в том, что она стала для меня, кажется, и без имени... Надеюсь, из тех семисот баксов она себе на такси выкроит.

Сладко потянувшись от воспоминаний, я сунул руку в карман, и в моем внутреннем кармане хрустнуло. В народе говорят – теперь она мне должна пиво. Но в рекламных компаниях с зарплатой креативного директора в пятнадцать тысяч долларов есть резон просить за утерянные вещи больше, чем пиво. Интересно, где тот максимум, при котором Маша согласится дать что-то нужное мне, получив обратно так нужное ей? Зная ее педантичный характер, я уверен в ее страстном желании получить свою писанину обратно. Маша из тех, кто не напишет слова, не провернув в голове двадцать его синонимов и не поэкспериментировав с сотней стилистических вариантов. Каждый черновичок ей дорог, поскольку является своего рода уникальным творением ее гениальной мысли. Второго такого по памяти она не соберет ни при каких обстоятельствах. Итак, пиво – мало. Ужин – пошло, потому что получится за мой счет. Вот если бы... В принципе никаких усилий от нее притом не требуется, это даже не затянется надолго. Я уверен, что все закончится быстро, поскольку держу такое свое желание на привязи вот уже год. Но не находится ли это за чертой, над которой написано: тах?

Сунув свободную от сигареты руку в карман, я вынул листы и развернул.

Чертовка!

Три листа, исписанные мелким почерком, в котором безошибочно угадывается ее рука, три листа, исписанные какой-то клинописью! Это стенографическая запись! Вот так. Этого можно было ожидать. Самый простой шифр для человека, умеющего выражать свои мысли на бумаге стенограммой. Знаки, завитушки, точки, черточки... Эта девочка может писать что угодно и где угодно разбрасывать – все равно никто не поймет ни слова! Радует лишь то, что если писано клинописью, значит, Машеньке не очень-то хотелось, чтобы это стало чьим-то достоянием.

Плутовка.

Но баба есть баба. Зашифровала и положила на стол. Мужик ничего бы не зашифровал, а просто положил в швейцарский сейф, который хоть автогеном режь, хоть гексогеном рви. Девочка, которую не устраивает роль снизу, стремящаяся перевернуться основанием вверх, не понимающая при этом, что и в этом случае останется «сосудом». Закон жизни.

Я в последний раз посмотрел на ее рукопись, развернув ее перед собой веером. Ни слова по-русски, но на каждом листе не меньше десятка значков @. Мой мозг заставляет меня предполагать, что Машенька озабочена идеей создания креативного двигателя посредством электронной переписки. Я сложил листы и сунул их в карман, чтобы не вспоминать о них до встречи с Белан. Меня устроит пиво.

В «Адидас» меня встретили ласково, но с опаской. Люди, работающие в организациях-монстрах, головные конторы которых находятся за рубежом, поражены вирусом двули-

чия. Этакие люди-двухвостки, которые в силу национальных особенностей не могут до конца понять концепцию зарубежного хозяина, но то, что поняли, двигают, приспособившись под местный колорит. В силу этого наши люди в «Адидас», «Найк», «Рибок» и других компаниях еще не трансформировались в торгашей с Запада, но уже ничем не похожи на наших торгашей. Появилась третья версия двигателей товара, незамысловатая хитрость которых борется в них с жестяным практицизмом арийцев. Сосуществование этих начал в русских представителях причиняет им невыносимую муку. Это как раз тот случай, когда батюшка-царь из Московии шлет указы на землю Сибирскую, и там диву даются, до чего же батюшка-царь далек от народа. Но делать нечего: указано – сделано.

Мне предложили кофе. Я увидел, откуда он черпается в виде стирального порошка, сослался на пресыщение и попросил воды. Воды в «Адидас» не было. Там были кофе, чай, лимонад и энергетический напиток. Ублюдки проклятые! Вот так и рушатся добрые начинания – из-за стакана воды! Я попросил энергетический, и мне тут же принесли запотевшую банку и стакан.

– Евгений, нам понравилась ваша концепция, – сказал мне местный босс. Человек ростом около ста девяноста, весом около полутора центнеров – большой человек, он просто не мог говорить неправду или таить зло. Мы сидели за круглым столом, я тянул чертов напиток и кивал головой. Сейчас время слушать. Говорить я буду потом. Помимо босса за столом сидят две крали и два лузера доходной наружности. Такое впечатление, что наш «адидасовский» босс их взял в команду для того, чтобы подчеркивать свои габариты, которыми он, без сомнения, гордится. По бейджам на грудях переговорщиков я понял, что две фрейлейн – PR-менеджеры, один лузер – креативщик, второй – «финик». Вся местная рать собралась, чтобы поговорить со вторым лицом «Вижуэл». Это приятно. – Она свежа и оригинальна.

Он вздохнул и улыбнулся, словно на этом мы теперь и порешим. Но потом, спохватившись, стал играть на столе «Паркером». Это нехороший признак. Если крупный босс начинает играть перед вами очками, ручкой или чем другим и при этом держит голову чуть наклоняя, вас ждут неприятные сюрпризы. Я не повышал квалификацию у психологов, но знаю за верное, что чуть наклоненная голова собеседника – произвольный способ защиты от внешних угроз. Природа такова, что заставляет живое существо в случае тревоги прятать горло от собеседника. Оттого и взгляд исподлобья. А игра предметом не что иное, как кошачье похлестывание хвостом. Кошка жмурится, но нервничает, ей неприятно.

Я оставил в покое стакан и хлебнул из банки. Мне мое горло беречь нечего, я открыт и прозрачен.

– «Адидас» сейчас переживает непростые времена, – начал новую главу наш человек в Германии, и я тут же подумал: «Врешь, сука, были бы непростые, меня бы здесь не было!»

Это я задвинул тему прокачки «Адидас» на сотрудничество. Тему быстро ухватила Машенька и в течение трех месяцев муссировала нюансы. Почему не ее, побывавшую тут много раз, а меня послал Рогулин на последний разговор? Вероятно, по той причине, что я имею право подписи под любой бумагой от имени «Вижуэл», а Машенька – нет. Но почему она не поехала со мной? Обиделась на Рогулина?

– «Адидас» сейчас переживает непростые времена. Давление конкурентов заставляет нас смотреть чуть за горизонт.

– Я правильно понял, вы не хотите с нами сотрудничать?

– Мы хотим с вами сотрудничать, – ответил он.

– Вам не пришлось по душе концепция продвижения новой линии обуви «Энерджи»?

– Нам она очень понравилась. Она свежа и оригинальна.

– Тогда, стало быть, вы сомневаетесь в удобоваримости рекламы на ТВ, разработанной нашими специалистами?

– Я думаю, она увеличила бы прибыль нашей компании.

Я рассмеялся и посмотрел на креативщика. Меня хотят поюзать³, а я не пойму, как именно. Досмотр финансиста тоже не принес никаких результатов. Они очень похожи на захваченных иранскими войсками английских моряков, которые сидят за столом только потому, что пять минут назад их обещали расстрелять, если они не сядут.

– В чем проблема, господин Чувашов?

Когда я хороший парень, я не называю никаких имен. Когда меня точит червячок раздражения, я то и дело произношу чужие имена. Когда взбешен, я начинаю оперировать фамилиями.

Часто из-за одного только ляпа или жеста может полететь с рельсов уже набравший ход паровоз переговоров. И тогда потери компании будут выглядеть однойцевыми близнецами стоимости упущенного контракта. Как показывает мой богатый опыт менеджера, часто заказчик рекламы сам не врубается в тему, которую хочет предложить. Это плавание вне темы менеджер рекламного агентства должен хавать на лету, потому что это – та самая гузка, схватив за которую лев валит антилопу и душит, душит, предвкушая славный ужин. Когда хищная тварь вроде меня задает вопросы, я переношу внимание с качества рекламы на потребность в ней. Хищная тварь вроде меня никогда не скажет: «Наша реклама – лучшая, самая креативная и яркая», я обязательно скажу: «Наша реклама позволит вам выгодно выделиться в ряду конкурентов потому-то и потому-то».

Клиента нужно трахать, пока он еще теплый. Но не нужно его бесить имбецильными вопросами – Лебедев, наш шеф отдела по работе с клиентами, грешит этим и частенько валит переговоры в стадии первой случки.

«Правда, вам нужна хорошая реклама?» – «Да», – отвечает босс пиццерии.

«А правда, что у вас есть проблемы с кредитом?» – «Нет, неправда», – отвечает ему босс пиццерии.

«А вы хотите, чтобы мы сделали упор на ваше заведение или на ваши блюда?»

«Пошел на фуй!» – отвечает ему босс пиццерии, и больше его в «Вижуэл» я никогда не увижу. Он уже идет в «Ребус», где умный Треер его быстро разведет: «В какой срок вы планируете вернуть потраченные на рекламу средства?», «Можно узнать, в каком банке вы собираетесь брать кредит?», «Чего вы опасаетесь в работе с рекламой?», «С кем работали до нас и что вас не устроило?».

Людам нужно задавать вопросы, которые подразумевают ответы. Когда клиент видит, что ему приходится говорить, а не мотать головой и выглядеть жертвой страхового агента, он начинает работать...

Я не люблю косяки в работе. Они меня раздражают. Когда клиент начинает упрямствоваться и отнекиваться, я чувствую запах крови. Я знаю, что клиент созрел. Упрямство – безусловное подтверждение интереса ко мне, представителю «Вижуэл». Если бы клиенту было фиолетово, он не стал бы тратить на вас время и пытаться диспутировать. Такие люди сразу встают, сказав напоследок: «Я подумаю, приму решение и перезвоню», и с этого момента вы никогда в жизни уже не поговорите с ним по телефону. Разве что сами позвоните.

– Видите ли, Евгений Иванович, «Вижуэл» в настоящее время тоже переживает непростые времена...

Твою мать, а кто сейчас переживает простые времена?! Абрамовича побрили на девять миллиардов долларов, патриота Лугового едва не вербанула МИБ при помощи рубашки Гришковца, Церетели сидит без заказов! Кому сейчас легко?

– Хотите еще?

Я бросил очень благодарный взгляд на фрейлейн-менеджера и отодвинул пустую банку в сторону. Я заряжен энергией, как новенький «москвичовский» аккумулятор. Или этот боров

³ Одурачить.

скажет все до конца, или я не сдвинусь с этого места. Наверное, в моих глазах мерцала бегущая строка мыслей – «адидасовский» босс пришел в движение. Его безупречный пиджак шестидесятого размера колыхнулся, и над розовым узлом галстука полилась водопадом речь.

– С тысяча девятисотого года, когда начиналась история бренда «Дасслер», компания всегда находилась в центре внимания общества...

Это неважная мысль.

– Работа с организациями, двигающими товар на рынке, – основа процветания любой компании...

Это тоже неважная мысль.

– Более ста лет «Адидас» опирался на рекламу, как на приоритетное направление сбыта своей продукции...

Это вообще не мысль, поскольку это аксиома.

– Наш шеф «Адидас» в штаб-квартире, в Герцогенаурахе, он старомоден и консервативен... (Я всегда думал, что это одно и то же.) Ему стукнуло шестьдесят. Он человек старинных привычек и окостеневших взглядов... – босс на Воздвиженке ведет себя так, словно взял у меня пару штук за плевое дело, его не завершил, а теперь еще и возвращать нечего. – Эта тема с обнаженной женщиной... на которой только шиповки... Он считает, что это несколько вульгарно...

Пора вмешиваться.

– Господин Чувашов, то, что женщина обнажена, потребитель только догадывается. Она мчится по облаку, потом по ступеням, ведущим на Олимп, и разглядеть ее груди, гениталии и ягоды – если уж так прямо у нас поставлен разговор – постоянно кто-то мешает. То ангелы своими развевающимися одеждами, играющие роль папарацци и щелкающие вспышками, то влага облаков, то языки пламени. Женщина, чистая, свежая, в обуви «Адидас», легко минующая огонь преисподней и медные трубы Олимпа, женщина, для которой главное – победа, – это ли посчитал ваш босс в Герцогенаурахе вульгарным? А если я вам скажу, что генератором идеи этого ролика была именно женщина? Ваш босс, которому кругом стукнуло шестьдесят, разбирается в вульгарности женщины лучше самой женщины?

Боров разводит руками, давая понять, что в принципе против гениталий он ничего не имеет, но он думает точно так же, как и его далекий босс-маразматик в Герцогенаурахе.

Я наношу ему удар ниже пояса:

– А если женщина будет одета в тунику? Ну, и трусы под нею, понятно. Большие трусы, выглядывающие из-под туники?

«Пиаристка» слева от меня начинает наливать соком, как яблоко. Она сводит под столом ножки, и сейчас они похожи на знак «X», подсказывающий мне о том, что я только обостряю проблему. Ей хочется расхохотаться, но сделать это ей мешает господин Чувашов. Ему не до смеха. Конечно, он только что лохматил идею таким образом, что дело в раздражающих шефа в Герцогенаурахе шевелящихся, словно жернова, ягодицах спортсменки! А сейчас выходит, что и жопа тут ни при чем.

– Видите ли, Евгений Иванович, сама тема... Вам следовало принять во внимание, что наши шефы – католики, глубоко верующие люди, и ролик на божественную тему нанесет обиду их религиозным убеждениям...

– Я не понял, ваш шеф в этом, как его... В общем, следует ли понимать, что женщина, взбегающая по ступеням Олимпа, оскорбляет его религиозные воззрения? Он что, язычник?

– В каком смысле?

– Олимп и католицизм – вы видите что-то общее? Католицизм отрицает Зевса. Он как бы за Христа.

– Вот эти ангелы с «Полароидами», геенна огненная...

Наклонившись к столу, я зашептал, как мне показалось, убедительно:

– Мы рубим ангелам крылья, и вот перед нами жрецы времен Марка Аврелия. Кажется, теперь проблему католицизма мы решили окончательно?

По взглядам девочек я вижу: решили. Но перед Чувашовым, этим запрограммированным из штаб-квартиры в Герцогенаурахе мудаком, следует снять шляпу.

– Но тогда теряется весь смысл ролика. Геенны во времена Марка Аврелия не было. Где тогда бежит девочка в шиповках «Адидас»? Она заблудилась? Вероятно, с ней не произошло бы этого, надень она обувь от «Найк».

Я вдруг начинаю догадываться, почему история «Адидас» – это история провалов и взлетов. Вопреки представлениям о форме всемирного движения в виде спирали «Адидас» движется вперед в виде зигзага. Папа Адика и Рудика основал «Дасслер» – лаве пошло. Папа умер, братовья разругались – откат. Адик, пока Рудик сидел на киче, двинул производство – лаве пошло. Адик состарился, вместе с ним состарился «Адидас». Теперь «Адидас» воспринимается как униформа для мытья машины. Набрали новых специалистов, «трехлистник» заменили на три полоски в виде того же Олимпа – лаве пошло. Потом поднабрали еще спецов, среди них в России, по недосмотру, видимо, Чувашова, а в это время шеф в Герцогенаурахе состарился – снова проблема. Шефу мешает задница бегуны. И мешает она, я уверен, только потому, что он хочет ее трахнуть, трахнуть даже в шиповках, на глазах у ангелов и чертей, взять ее со всех сторон, рыча и стеная, но он не может. Годы не те.

– Наш шеф, Евгений Иванович, дал хороший совет, – Чувашов поставил виртуальное перо своей речи на бумагу и теперь готов подвести под ней черту. – Он сказал, что ролик должен дышать свободой, он не должен оставлять потребителю выбора.

Он сам слышит то, что говорит?

– Старики, господин Чувашов, потому так любят давать хорошие советы, что уже не способны подавать дурные примеры.

Слава богу, что я ничего не успел выложить на стол. Сбор своих вещей на глазах молчаливых неслучившихся партнеров выглядел бы как унижение. Все, что мне остается, это смять рукой банку с энергетиком, надеть на нее стакан, как презерватив на безвольный член шефа из Герцогенаурахе, и опустить этот архитектурный ансамбль в урну.

– Сказать, что, если бы вы хотели продолжить сотрудничество, вы непременно попросили бы нас проработать замечания, не значит погрешить против истины?

– Понимаете, Евгений Иванович, сотрудничество с вами гарантирует нам бесспорные перспективы и несомненную ебидту⁴...

Наконец-то он перешел с герцогенаурахского на наш русский, великий и могучий корпоративный! Ебидта! Парни из «Адидас» отсеяли всех, оставив в сите тяжеловеса Чувашова! Они не знали, что он не вылетел с отсевом только потому, что имеет полтора центнера веса и шестидесятый размер! Ебидта! Это наш человек, купивший корпоративные традиции баварских бургеров и не сумевший адаптировать их дома! Но, как когда-то штабс-капитан Овечкин, заговоривший во сне на японском и тем выдавший себя, он заговорил со мной на языке паршивого бизнесменчика. Ебидта – так имя эха, отзывающегося в душе рвача и сноба. Маленькая ебитда – удел «марсианина», покупающего по акции «Опель» в обмен на подержанные «Жигули», супер-ебитда – объект восхищения и гордости. Наделенный большой ебидтой приходит в салон и уезжает на «Майбахе», навалив хер на долги по кредитам. Чувашов, сам того не ожидая, только что идентифицировал себя с заскоружлыми умом «марсианинами», как гордо именуют себя фраера из Магс, или тружениками «системы», как называют свой второй дом приемные дети «Кока-кола». Чувашов – это не тот скакун, на которого я бы ставил на месте совета директоров во главе с дедушкой из Герцогенаурахе.

⁴ Вещественные доказательства реноме человека.

Но мне не об этом сейчас следует заботиться. Внешняя встреча закончилась полным фиаско. Я только что провалил контракт ценою в четыреста тысяч долларов. И теперь я понимаю, почему от встречи откосил Рогулин. Если я привезу контракт – это будет НАША победа. Если вернусь в рубище – это будет МОЕ поражение. Мне здесь душно. Я заставил себя попрощаться, выразить готовность сотрудничать дальше, похвалил напиток и вышел.

Глава 3

«Вижуэл» занимает два первых этажа, и каждый раз, минуя первый, где в постоянном движении находится чиновный люд, я тороплюсь подняться, потому что не нахожу в этом движении жизни. Десятки субъектов от 20 до 35 лет куда-то торопятся, но я-то точно знаю, что занимаются они порожними хлопотами. Без них можно было запросто обойтись. Это – стаф. Как и все слова, пришедшие из английского, это преломилось и к великому восторгу русского бизнеса обрело новый смысл. Насколько хорошо я знаю английский, staff должно произноситься как «стэф». Однако у нас его с настойчивостью, достойной лучшего применения, произносят как «стаф». И этому есть свое объяснение. Русский бизнес на английский лад уверяет, что никаких принципиальных различий между английским staff, звучащим по-русски как «штат», «персонал», и stuff – «вещество», «дрянь», «отбросы», не существует.

Цена лицемерия, с которым «хьюман ресорсез» (та же тема), она же «эйчар» (HR), она же – начальник отдела кадров, утверждает новому лопухому простачку, что «Вижуэл» – единая семья, известна только мне подобным, которые добрались до вершины пирамиды и вцепились в нее когтями. Никакой семьи нет и быть не может. Ты, «стаф», будешь носиться по коридорам, станешь мальчиком на побегушках, лизать задницу ради маячившей на горизонте должности «старшего чего-то». Ты нужен, пока бегаешь. Едва ты подашь сигнал о том, что достоин большего, тобой подотрут задницу и выбросят вон на потребу другому «Вижуэл», где понадобится твой опыт не менее двух лет, мобильность, креативность мышления и знание ПК. В мгновение ока тебя оптимизируют, и кто еще не знает истинного значения этого слова, объясняю – вышвырнут вон.

Утверждать, что я ненавижу свою работу, что я герой своего времени, значит, рядить себя в одежды резонера. Мне действительно много чего не нравится в корпоративной системе «Вижуэл», но я из тех, кто умеет приспособиться и зарабатывать на ночные клубы и концерты Маккартни своим трудом.

Реклама – тяжелый труд. Я много чего понимаю в рекламе, и потому готов биться об заклад, что ролики «Магги», заставки «Дома-2», «Клинского» и «ОВИП ЛОКОС» – это продукт творческой деятельности как раз этих ребят, с первого этажа. Другое дело, что за работу специалистов «Вижуэл» платить нужно в пять раз больше, а зачем это делать?..

Меня прорывает на эти мысли, ибо я только что оказался в роли этих бездарных ходоков. Меня провели, как воробья на мякине, убедив, что я нестреляный. Меня послали подальше, точно зная, что лучше «Вижуэл» в Москве нет. И сейчас я вхожу в свой кабинет брезгливой походкой, ощущая на своем «Понти» тяжесть плевков. Проблема не в том, что послали. Проблема в том, что я так и не понял, почему. В «Адидас» не лохи, и им известно, что лучше «Вижуэл» в Москве нет. Вот в чем проблема.

– Георгий у себя? – скинув пиджак, я вышел в приемную, и теперь от кабинета Рогулина меня отделяет только пять метров паркета.

Это еще одно правило, которого я, как и все, придерживаюсь неукоснительно. В русской армии офицеры в клубе звали друг друга не по званию, а по имени и отчеству. В русском бизнесе на службе принято называть друг друга просто по именам. Так создается иллюзия той самой семьи, где мы все за все в ответе и где победы, как и поражения, общие. Рогулин – коммунистически, президент – официально (официоз мешает делу), Георгий Валентинович – тоскливо, как в ЖЭУ. Самое лучшее – Георгий, но никак не Жора, понятно. Не хочешь приобщаться к таким правилам – шагом марш в народное хозяйство. Там тебе и «товарищ Рогулин», и все остальное.

– Только что пришел, – прощепетала Милочка, пытаясь понять, произвел на меня впечатление ее новый костюм, заказанный по Интернету в «ОТТО», или нет. Мила Красавина посто-

янно заказывает вещи через Интернет, переписывается по Интернету, знакомится по Интернету, и я не удивлюсь, что и сексом она тоже занимается через сервер.

Войдя, я обнаружил Георгия в добром здравии. Он всегда в добром, поскольку бассейн, массаж и беговая дорожка – это треть его рабочего дня. В отличие от меня он не выпивает, не курит и не платит девушкам по семьсот долларов за ночь. У него жена, счет в банке, напоминающий номер телефона, и он ничуть не ниже ростом Чувашова за минусом пятидесяти килограммов.

– Ну?! – хитро прищурившись, протянул он с порога, не сводя глаз с моих пустых рук. Потом он посмотрел на мои брючные карманы, потом на рубашку, и когда убедился, что и под ней тоже нет экземпляра подписанного с «Адидас» договора, осел и произнес еще более несуразный вопрос: – Что?

– Нас послали.

– То есть как послали? – Жора занервничал и стал шевелить руками, как щупальцами. – В каком смысле послали?

– В прямом. Они сказали, что их шефу не понравилась шлюха, бегущая в чем мать родила. Им показалось невозможным, что мать родила ее в шиповках.

Георгий откинулся в кресле, и сейчас я вижу, что он не готов к такому повороту событий. Он играет логарифмической линейкой, словно онанирует.

– Послушай, этот контракт позволял нам открыть пару офисов в Питере.

Меня подбросило.

– Уж не собираешься ли ты поставить мне это в упрек? Кто автор идеи?

– Это была хорошая идея.

– Мне она тоже понравилась! Это лучше, чем задумчивые размышления бегущих трусцой девок из «Найк»! Но они отшили нас и это факт!

Роголин посмотрел в окно слепым взглядом.

– Нужно было послать на предварительный разговор Белан.

Мне очень не хотелось еще больше портить и без того отвратительное настроение. Но президент компании Георгий только что предположил, что Машенька Белан в роли переговорщика выглядела бы куда лучше Евгения Медведева. Только что произнесенная фраза означает, что провал контракта – это мой провал.

Подтянув стул к столу, я встал на него коленом и гадко улыбнулся.

– Ты хочешь сказать, что все было на мази, и если бы у меня в голове было чуть больше позитива, сделка не сорвалась?

– Именно это я и хочу сказать. – Поднявшись, Роголин стал нервно прохаживаться по кабинету. – Четыреста тысяч... Черт возьми, это четыреста тысяч. Это «Адидас». Махонький логотип «Вижуэл» в правом нижнем углу ролика с бегущей к Олимпу девушкой... Ты провалил дело, Женя, факт.

Перед моими глазами поплыли круги. Иронизируя, я не предполагал, что все не так смешно. Все очень смешно! Этот парень с натренированными мышцами всерьез считает, что я испортил все дело!

– Ты это серьезно?

Покусав губу, он вдруг стал спокойным и рассудительным. Заняв свое место за столом, но стоя, он показал мне кулак и стал по очереди разгибать пальцы, начиная с большого.

– В марте с нами отказался работать «Бэмби». Наш логотип на рекламе детского питания был как нельзя кстати. Но я послал тебя, вместо того чтобы поехать самому, и сделка сорвалась.

– Так не свидетельствует ли это о том, что вина полностью ложится на тебя?

Видя, что Георгий даже не собирается загибать палец обратно, я вспомнил и более веские доводы:

– В марте я зарядил частного детектива, и тот выяснил, что в детском питании «Бэмби», в частности, в овощных пюре, растворяются тонны консервантов! «Бэмби: здоровая пища, здоровый малыш!», – я даже рассмеялся, осознав, насколько прав. – Прошло всего два месяца после того, как я отказался работать с «Бэмби», и пять из восьми их филиалов по всей стране были закрыты на ключи СЭС! Как думаешь, сколько в России мам, дети которых вырастают, и все они вместе взятые больше не прикоснутся к товарам, рекламируемым «Вижуэл»? Я виноват в том, что провалил сделку, обещающую нам крупные неприятности?

Георгий не стал и сейчас загибать палец. Напротив, он отогнул второй.

– Отказавшись от работы с «Бэмби», мы потеряли около ста двадцати тысяч. А потом был магазин спортивной одежды «Томикс». И на нем мы просрали еще сто тысяч. А все потому, что Евгений не посчитал возможным работать с организацией, контактирующей с контрабандистами.

– Не контактирующей, Георгий, а контрабандирующей! Славный магазинчик «Томикс» был местом сбыта привезенного из Китая ширпотреба под марками известных в Европе производителей. Кажется, там можно было купить даже «Адидас-Соломон», хотя известно, что эти ребята с розничными сетями не работают! «Карху», «Ботас», «Ромика» – где еще, как ни в «Томиксе», можно было купить эти бренды на четверть дешевле настоящей цены? Они позиционировали товар как продукт лицензированных предприятий из Малайзии и Индонезии, а на самом деле шмотки шиты в подвалах Шанхая за чашку риса! И вскоре магазином и его держателями заинтересовались соответствующие инстанции, и магазинчик прикрыли, разве это не так?

Георгий побагровел.

– А тебе не все равно, прикрыли его или нет?! Лично мне – все равно! Я не несу ответственности за товар, я несу ответственность за качество рекламы! Нам давали сто штук, и сразу, но я послал на внешнюю встречу тебя, и ты провалил дело!

Я снял колено со стула и сел на стол.

– Послушай, старик, я знаю, что тебе все равно. Ведь сейчас как раз и происходит доказывание этой теоремы. Тебе все равно, потому что под тобой как минимум три человека, которые подставляют свой зад под каждый из контрактов! Бесит только одно. Такое впечатление, что я разговариваю с азербайджанцем на цветочном рынке, которому по херу репутационный риск его ПБОЮЛ!

Роголин завелся. Я бы тоже завелся. На эту тему за последних несколько лет мы не разговаривали ни разу, но и он ни разу за эти несколько лет не выставлял меня лицом, причиняющим ущерб компании. Пробоина сделана, вода хлынула, и теперь глупо закрывать щель своим телом. Напротив, нужно вышибать доски ногами, чем я тотчас и занялся:

– Делиться полномочиями ты не хочешь! Но они мне и не нужны. Но ты с удовольствием эти полномочия делегируешь! По-русски говоря, подставляешь чужие задницы под сапоги. Выгорит дело – мы молодцы. Не выгорит – Медведев никчемный чувак! – найдя взглядом урну, я послал в нее смачный плевок. Последний раз меня так трясло во время второго тайма «ЦСКА – Спортинг». – Но ты, верно, забыл, что именно Женя Медведев заключил за год одиннадцать контрактов, шесть из которых отменил из-под носа «Ребуса». Если ты соскочишь с беговой дорожки и справишься у своей памяти, то есть займешься делом, то обязательно вспомнишь, что за год один только я ввалил в «Вижуэль» поток в шесть миллионов! Давай посчитаем, за какую сумму я отрабатываю такие бабки? – я демонстративно показал свой кулак. – Двадцать в месяц. Двести сорок тысяч в год плюс проценты, которые ты выплачиваешь мне не от суммы реального договора, а от суммы «белого» договора, который занижен в десять раз! Итого – около трехсот тысяч долларов в год! Ты назовешь мне имя еще одного заместителя руководи-

теля рекламной компании в Москве, который приносит папе такую марджу⁵? Но дело даже не в тех пяти процентах, которые я получаю от ста процентов приносимой компанией прибыли...

Совсем уж возлегши на стол, я спросил тихо и спокойно:

– Кто дал тебе право обвинять меня в некомпетентности?

Кажется, это было началом нашего настоящего разговора. Того, который должен был случиться без прелюдий. В последнее время, видимо, от феерического взлета «Вижуэль», который продолжался два года от захудалой конторки в Бирюлеве до всем известного офиса в центре, Георгий тоже сильно изменился. Из перепуганного обстоятельствами мнительного бизнесмена, решившего, чтобы не сказать – отчаявшегося на широкий размах, он превратился в сноба, уверенного в будущем. В какой-то промежуточный период он стал самим собой. Таким, каким он должен был быть, не случись этого страшного начала перед взлетом и последующего парения в высоту, в тех пределах, откуда уже не слышать стука мечей и мата уборщиц. Георгий около года был спокоен, рассудителен, чувства свои выказывать не любил, и порой я сомневался, есть ли они у него вообще. Но деньги деформировали этого человека. Я даже помню, в какой момент наступил окончательный перелом. В позапрошлом году Георгий посетил салон на Ленинградском и вернулся в офис на новенькой «бэхе». Само по себе это не достижение для города Москвы. Но я помню взгляд – взгляд сноба и пересмешника, которым Жора, не замечая, что я выхожу из офиса на крыльцо, одарил мой трехлетний «Мерседес». На его лицо заползла улыбка, которую я ожидал увидеть разве что у Чингисхана, который, доведись нам встретиться, вставил бы мне, просящему пощады, саблю в грудь. Мне почему-то кажется, что Чингисхан единственный, с кем я не нашел бы общего языка, отсюда и пример. Есть, правда, еще Чувашов из «Адидас», но поскольку мне неизвестна причина его отказа от сотрудничества с «Вижуэл», я не могу сказать, что Чувашов и Чингисхан одной породы. Все глупо получилось на Воздвиженке, глупо и непонятно.

Георгий, он же Жора, он же Рогулин, смотрит на меня немигающим совиным взглядом, после чего как-то спокойно молвит:

– Да я после всего этого нахожу ваше присутствие здесь, сударь, лишеным всякого смысла.

– Не беспокойтесь, Георгий Алексеевич, я и сам думаю так же.

Не сводя с него глаз, я сполз со стола и вышел из кабинета, прикрыв дверь.

Сударь... Что-то новенькое. Не понесло ли нашего Георгия в далекие края звездить по малой? Уж не представляет ли он себя частью государева пула, вынужденной общаться с таким замом-челядью только потому, что это предопределено служебным присутствием?

У себя в кабинете я оторвал на пачке сигарет картонную крышку – просто снять целлофан не получилось, с удовольствием закурил и вышел на балкон послушать Москву.

Я всегда считал себя человеком практическим. Кажется, я даже звездил. Сейчас нужно до конца осознать, что делал я это напрасно. Вчерашним днем мне делегировали полномочия, об истинном смысле которых я не догадывался. Облом с «Адидас» – это существенная потеря для «Вижуэль». Такое не прощают. За это рубят кости,⁶ пусть даже это кости не уровня «стафа», а экзекютива.⁷

Впрочем, я гоню. Рогулин мне не приятель, в десны я с ним не целуюсь, но знаю точно, что это деловой человек. Такими парнями, как я, умные люди не швыряются. В конце концов автором концепции идеи с «Адидас» была Белан, я же ехал лишь подписать пару бумаг. Георгию нужно время, чтобы поостыть и дать задний ход. Я тоже хорош. Мы хоть и не друзья, но

⁵ Чистый доход.

⁶ Здесь: сокращение штатов.

⁷ Менеджмент высокого, но не высшего уровня.

все-таки больше, чем просто сослуживцы. Но это не значит, что я могу считать возможным танцевать у него на столе джигу и разговаривать таким тоном.

Это что касается меня. Что же касается его, то... То он, черт его побери, должен еще раз прокрутить в своей голове то, что я ему только что сказал, и понять, что я абсолютно прав! Прав!

Теперь нужно успокоиться.

Вокруг меня закрутилась пошлая интрига.

«Думай, Медведев, думай, тебя пытались валить не раз, и ты всякий раз выходил из темы еще красивее!»

Первый пункт выхода из интриги уже выполнен – я ее распознал.

Интриган действует по простой схеме: вовлечение в тему, потом выставление себя в качестве однополчанина, следом звучит добрый совет, после чего советчик исчезает в корпоративной тени обыденной жизни офиса.

Тема проявилась: я был выставлен как лучший для переговоров с «Адидас». К этому моменту меня уже порядком эмоционально раскрутили. Мне впарили, что я лучший, что «Адидас» – дело успешных переговорщиков, что премиальные от удачной сделки высоки и вообще человек, заключивший с «Адидас» сделку, вызовет в Москве уважение. Втиралось это мне Рогулиным, Машенькой и Лебедевым. Постепенно. Понемногу, ослепляя лживой завистью...

Самое поганое, что я на все это повелся.

Итак, когда меня проверили на возможность применения в этой схеме и убедились, что я склонен к ее реализации, тут же провернули дело.

Твою мать!.. Это же обычный трюк, направленный на снятие топ-менеджера!

Едва в мою голову проникла идея, что в переговорах с «Адидас» я лучший, из стального Жени Медведева я превратился в пластилинового. И мне уже подсказывали, направляли на путь истинный, указывали выходы из сложных ситуаций, не забывая при этом в конце добавить: «Ты знаешь это лучше меня, извини, что советую...»

Но кто из них троих – Рогулин, Белан, Лебедев – интриган, а кто – статисты? Впрочем, это неважно. Думается, у каждого из них есть своя причина быть инициатором свары, так как каждый имеет причины опасаться меня или ненавидеть. Лебедев – за должность креативного директора, Белан за то, что заместитель президента я, а до сих пор не она, Рогулин по своему слабоумию тоже мнителен, и ему ничего не стоит втереть, что я мечу на его место. Так что статистов тут скорее всего не было. Работал тесный коллектив единомышленников. Я забыл главную заповедь офиса: если кто-то пытается стать тебе еще более лучшим другом и количество таких желающих растет в арифметической прогрессии, значит, до удара ножом в спину остались считанные часы.

«Тебя развели на чувствах, Медведев», – пронеслось в моей голове.

Я слишком много шутил и входил в общение последних два месяца. Я забыл о том, что юмор доступен немногим, и распоясался. Я стал свободнее, я стал безответственнее к собственной безопасности. Наверное, ночи с Виолеттой настроили меня на кашемировую волну, и мне понравилось качаться в ней и тереть щеку о мягкий бархат жизни.

– Меня занесло, и я не удержался на вираже...

Этот хрип еще вчера я не признал бы за свой голос.

Вторая сигарета вызвала горечь и тяжесть в груди. Сейчас «Лаки Страйк» уже не тот, что раньше. Благодаря таким вот рекламодателям, как Жора, продукт Моршанской табачной фабрики загоняют в гильзы с надписью Lucky Strike и гонят, как взыправдашные.

Под балконом сонно прижмурился «БМВ» Рогулина, и я с трудом сдержал себя, чтобы не бросить окурок на сверкающую лаком крышу.

К двум часам я успокоился окончательно, а в пять минут третьего в мой офис, не постучавшись – и это невероятно удивительно, чтобы наша «хьюман ресорсез» не постучалась в мою дверь, я во всяком случае не помню такого, – вошла, как в свой хлев на первом этаже, кадровичка.

– Евгений Иванович, зайдите ко мне, пожалуйста.

И ушла, оставив меня в состоянии каталепсии.

Глава 4

Понять меня, почему я остолбенел, может всякий, кто знает корпоративное устройство компании. Для тех, кто далек от этих пошлых тонкостей, я позволю себе рассыпаться в объяснениях. Зайти в кабинет заместителя президента без стука, сказать не «здравствуйте, Евгений Иванович», а «зайдите ко мне» и выйти, показав ему толстый зад, обтянутый юбкой с Черкизовского рынка, может только или мужественный начальник отдела кадров, или сошедший с ума. Входить в общение с экзекьютивом подобным образом стафу, а «эйчар», как ни крути – это стаф, категорически не рекомендуется. В «Вижуэл» платят куда больше, чем контролеру в метро, и если только наш «хьюман ресорсез» не ударились в дауншифтинг⁸, устав от гонки по жизни и решив удалиться в тихие омуты посредством выппада, то такой демарш бывшей кадровички завода «Серп и Молот» может означать только одно – она не видит во мне более заместителя президента. В крупных корпорациях новости об увольнении первыми узнают, как правило, не увольняемые, а люди, оформляющие документы, и поэтому я задумчивой походкой спускаюсь по лестнице вниз, чтобы узнать, какая из версий имеет право на жизнь.

Не знаю, бегом ли эта утка неслась по коридору, но когда я вошел, она уже сидела за столом в очках и что-то строчила на компьютере.

– И что у нас случилось? – вальяжно бросил я, расстегивая пиджак и вставляя в зубы сигарету.

– С приказом ознакомьтесь, Евгений Иванович.

Три месяца назад «хьюман ресорсез», больше я ее никак назвать не могу, подкатила к Георгию и попросила принять свою племянницу секретарем в «Вижуэл». Гоша, добрая душа, а тогда еще не было Милы, согласился. Племянница уже открывала дома шампанское и хваталась подружкам, что получила работу в две штуки баксов, а я попросил своего «частника» проверить прошлое этой милой, или, как утверждала «хьюман ресорсез», «порядочной и ответственной девочки». Ответственная и порядочная девочка оказалась нагнанной из суда секретарем потому, что со многими документами, оказывавшимися в распоряжении ее судьи, знакомила своего бойфренда, активного члена Солнцевской ОПГ. Я пришел к Рогулину и спросил, действительно ли он хочет, чтобы с документами компании, отколачивающей по двенадцать миллионов долларов в год, работала ответственная девочка, которую пялит активный член Солнцевской ОПГ. Рогулин вовремя спохватился и тут же о девочке забыл, но «хьюман ресорсез» обо мне не забыла. Но в силу корпоративной дисциплины в течение долгих трех месяцев вынуждена была улыбаться мне и хихикать в ответ на мои остроты. Милу в «Вижуэл» привел я, поскольку лучше уж о происходящем в кабинете Рогулина буду знать я, чем какой-то член.

Я ознакомился с приказом.

Георгий пошел даже дальше того, что я предполагал в своих истеричных фантазиях. Я был уволен по собственному желанию, причем в основаниях увольнения значилось: «заявление».

– А какое заявление? – спросил я у «хьюман».

– А вы разве не принесли? – спросила она изумленным голосом, но голову с вовсе не удивленным взглядом повернула в мою сторону лишь через несколько секунд – так трудно ей было оторваться от писанины.

– А должен был?

– Георгий Алексеевич сказал, что вы принесете.

⁸ Отказ от высоких целей в связи с переменной убеждений.

«Хьюман ресорсез» слабоумна, к тому же ей под пятьдесят, то есть, несомненно, наступил климакс, что, на мой взгляд, существенно понижает достоверность предоставляемой ею информации. Но сейчас все именно так, как я слышу. Таких ублюдков, как я, не просто увольняют, их увольняют с шиком.

Если сейчас поднимется ураган, то тетке это доставит ни с чем не сравнимое удовольствие. Этот ураган ей необходим сейчас как воздух, как абонемент на годичное посещение клуба бывших жен, который эта сука посещает вот уже несколько лет, вместо того чтобы стать женой настоящей. Она тут же снимет трубку с телефона и при мне, ничуть не стесняясь, скажет Рогулину, что я безумствую в кадрах. Две шалашовки, сидящие рядом, подтвердят, что я крыл все и вся матом, был нетрезв и вел себя как свинья. Так из «Вижуэл» уже были уволены двое. Общую схему решили не менять даже для меня.

– Я забыл бумажку в кабинете, – огорчился я, вынимая из кармана «паркер». – Дайте-ка мне чистый листочек...

– После организованной вами оптимизации, Евгений Иванович, – проскрипела сука, – у нас каждый лист на счету.

– А, ну тогда подождите до завтра, – я завинтил ручку и уложил в карман. – Сейчас у меня дела, утром и увидимся.

Это в планы «хьюман» не входило. Она нервно, понимая, что уступает, выдернула лист из стопки, лежащей на ее столе, и швырнула на стойку.

Я взял лист, уложил на ладонь, откинул крышку стойки, подошел к суке и размазал его по ее розе...

Нет-нет, так не пойдет. Мне еще судебных процессов не хватало. Набросав на бумаге все, что, по моему мнению, должно содержать заявление об увольнении по собственному желанию, я показал пальцем на приказ.

– Здесь нет пункта, обязывающего финансовому отделу произвести со мной расчет. Как будет исправлено, сообщите, я приду и ознакомлюсь с новой редакцией.

– Георгий Алексеевич сказал...

Я толкнул дверь и вышел в коридор. Мне фиолетово, что сказал Георгий Алексеевич.

Ведомый каким-то детским желанием нагадить хоть как-то, я вошел в пустующий кабинет менеджеров отдела арт-проектов, сломал ящик на стене и вынул из него ключ, подошел к работающему компьютеру и удалил все программы вместе с рабочими документами. Ящик прикрыл, а ключ сунул в карман. Я не хотел, чтобы они все сгорели заживо, сгореть на двух первых этажах невозможно. Просто мне известно, что сформирована новая комиссия из числа пожарных, ментов и СЭС... Думаю, распинаться об этом сейчас не стоит. Придет время, и я объясню.

Ну, здравствуйте, дорогие моему сердцу жители первого этажа! Пока я застегивал пиджак, двое – юноша и две девушки – шлифанули меня своими одеждами. Их лица напряжены, походка пружинистая, они знают, что если будут хорошо работать, лет через десять станут заместителями президента компании. И тогда у них будет «Мерседес», квартира в центре столицы, счет в банке, и тогда можно будет влюбиться по-настоящему, всерьез, чтобы жениться.

Впервые за пять последних лет я, выйдя на улицу, вдруг озадачился вопросом: «Что делать?» Не в смысле – что предпринять сегодня, а что делать теперь вообще. Куда идти, в смысле – ехать? Отправить ли в «Ребус» резюме по факсу, махнуть ли на Сейшелы или просто заказать на дом грузовик пива и месяц наслаждаться футболом и сексом с Виолеттой. Чувство свободы вдруг ворвалось в мои легкие, и захотелось выбросить этот свежий поток обратно вместе с победным криком. Глупцы! Уж не думают ли они, что сделали мне плохо?!

Я только что задал себе вопрос с тремя неизвестными и теперь, даже не раздумывая, могу ответить на все пункты утвердительно! В «Ребусе» меня примут как родного – я был

единственным, кто мешал им процветать! Один звонок – и мне будет забронировано место в бизнес-классе на самолете, отправляющемся в теплые края! Звонок по другому номеру – и Виолетта, как «Beer-ка», будет доставлена к пиву в мою квартиру!

Выхватив из кармана ключи, я снова услышал шорох в кармане. О, это последнее, что нужно будет сделать перед тем, как унести из кабинета коробку с вещами. Я совершенно забыл о Машеньке!

Через минуту я был на втором этаже, меня можно было увидеть шагающим посередине коридора с цветущей улыбкой на губах. Я был счастлив и свободен – никогда не думал, что увольнение по собственному желанию приносит столько счастливых минут!

До кабинета креативного директора я дошел, а вот внутрь попасть мне не удалось. Гоша Рогулин затеял в ее кабинете совещание, секретарша меня непустила. Кажется, уже все в «Вижуэль» знают, что с Жени Медведева снят бейдж.

Решив, что вернуть документы никогда не поздно, если только возвратят их сегодня до вечера, я отправился домой.

Чувство свободы и счастья не покидало меня ровно тридцать минут. Как только «Туборг» выпитался в стенки желудка и стало тепло, ощущение радости схлынуло, как вода из шлюзов. Я сидел один в квартире, передо мной слева на столике стояли четыре пустые бутылки, справа – шесть полных и запотевших, пепельница была полна, и наконец-то подошел момент, когда тишина, звенящая в комнате и прерывающаяся лишь тогда, когда я переворачивал бутылку, стала невыносима.

Подтянув к себе пиджак, я вынул из кармана телефон и набрал номер. Полминуты я слушал медляк, потом привычно сработал автоответчик, но обольстительный голос томной дивы не успел довести фразу до конца. Со мной заговорила живая женщина.

– Виолетту... – сказал я и откинулся на спину.

Мне не хотелось повеситься. Меня пожирало желание уйти из Москвы благородно, тихо и незаметно. Так незаметно, чтобы даже я не почувствовал, что уже на небесах. Пять лет, отданных проклятому «Вижуэл», трубили во мне возмездием, и кто-то мудрый, рассудительный и спокойный уверял голоса уничтоженных мною конкурентов, что нужно смириться, ведь сие есть промысел божий, что все пройдет и останется только тишина и покой...

– Тебе хорошо со мной?

Мне хорошо с Виолеттой. Я до сих пор не знаю ее настоящего имени, а потому не называю и Виолеттой. С ней не нужно быть чересчур умным и в каждую фразу вставлять двойной смысл. В общении с ней не нужно мобилизовывать в себе Баффета и блистать достижениями самокоучинга. Это опасно, потому что в этом случае и она тоже из милой проститутки, приняв твои попытки показаться сложным за игру, тотчас превратится в матерую блядь. Она не знает слов «аджента» и «харрасмент» и не впивается с рычанием зубами в твою плоть, полагая, что ты прешься от этого, как людоед. Каким-то тонким женским чутьем она еще шесть месяцев назад угадала, что меня интересует не столько секс с нею, сколько желание поговорить и потереться щеками. Случалось так, что я засыпал у нее на плече и просыпался только от того, что она треплет меня за щеку: у нее виноватый взгляд, словно это она, а не я виновен в том, что деньги заплачены, а услуга не оказана. За полгода общения мне удалось стереть с этой девочки профессиональную неприступность и по примеру графа Калиостро материализовать из каменной бабы в трепещущую невинность. Оборот «невинность» по отношению к элитной проститутке может выглядеть странным, но за пять последних лет я встречал очень много порядочных женщин, преданных жен и верных спутниц, чей порок не шел ни в какое сравнение со смиренной отдачей клиенту. А в теле этой маленькой негодяйки сидит невинная девушка, и мне порой кажется, что наступит срок, и девственница с облегчением стянет с себя ненавистную шкуру, чтобы забыть о ней навсегда, полюбит по-настоящему и станет наивернейшей из жен...

Кажется, это пиво. Я начинаю думать точно так же, как и проститутка.

Опустошенный, я кладу голову на ее колени, чтобы так и заснуть. К черту «Визуэл», Роголина и Марию. Те документы, что у меня в кармане, уже неактуальны. Белан знает, что они потеряны, и сочинит что-нибудь получше...

Глава 5

Я много чего сделал для «Вижуэл» за эти пять лет. Я был единственный, кто в истории корпоративной войны между «Вижуэл» и «Ребусом» ввел тактику рекрутерских атак. Черные PR-компании, социалистические соревнования на предмет того, чьих перетяжек больше над Кутузовским и Тверской, агитки – это вчерашний день. Это я понял, вернувшись из США, где не без удовлетворения запивал пивом освоение новшеств рекрутерской тактики. Целый месяц я листал газеты, валялся на пляже Уэст-Палм-Бич во Флориде, совмещая таким образом отпуск с новшествами, которые хотел непременно внедрить в «Вижуэл». Драки за квалифицированный персонал из обычных потасовок приняли масштабы «холодной войны», уловки, которые при этом применяются, не поддаются описанию, и мало кто из людей, не озабоченных корпоративной дисциплиной, догадывается, чего дается руководителю движение вперед.

Как и в любой области жизни, получать товар можно несколькими способами. Первый способ приема на работу гениев рынка – по их инициативе. Как правило, резюме таких гениев блестит чешуей и так и просится в садок. Но классный спец не бродит по городу с резюме в кармане. Он уже давно работает. Поэтому шанс получить спеца по рекламе таким образом примерно 1:100. Способ второй – принять на работу пустышку, вложить в нее уйму бабла и приспособить к работе в своей компании. Но на дворе время, когда оба варианта потеряли актуальность. И всему виной вошедший в моду и самый рентабельный вариант – кража.

Не факт, что ты примешь на работу человека, который на самом деле клинический идиот. Не факт, что, когда ты вложишь в проект «менеджер» круглую сумму, его не похитит «Ребус». Факт один – готового классного специалиста можно похитить, и тут способов множество.

Можно сделать так, как Генри Форд, которого я считаю основателем третьего варианта рекрутерского движения, свистнул исполнительного вице-президента «Дженерал Моторз» Саймона Кнудсена. Форд взял напрокат тачку (Форд взял напрокат тачку!), накинул на нос очки и в облике легата папы римского прибыл на домашний адрес к Кнудсену. Он предложил ему сумасшедшие деньги и уволил своего исполнительного вице-президента. Однако Кнудсен не пришелся ко двору, потому что «Дженерал Моторз» вступила в корпоративную войну, распустив слух о том, что Форд похитил Кнудсена, и слава богу. Потому что сами хотели его увольнять. Но это издержки событий столетней давности, тогда еще не знали, что такие ходы когда-нибудь устареют и будут притчей во языцех тупоумных секретуток в приемных начальников отделов.

Сейчас успешный персонал маскируют, дезавуируют и прячут всеми доступными способами, чтобы их не перехватили хищники со стороны. Поэтому я сделал следующее. Я вывел за штат одного из лучших менеджеров «Вижуэл» Ирму Шоркину, обновил ей трудовую книжку, согласно записям в которой она являлась едва ли не победительницей конкурса «Мисс Поломойка», и устроил в «Ребус» уборщицей. За три месяца мытья полов Ирма получала жалованье в «Вижуэл», но и в «Ребусе» ей, конечно, тоже доставалось. За вредность я приплачивал шпионке премиальные, и эти три месяца, до того момента, пока уборщицу с восьмилетним образованием не слотошил за скачиванием базы данных сам президент Треер, Ирма назвала мне имена лучших специалистов «Ребуса». Все они значились на липовых должностях системных организаторов и письмоносцев, на самом же деле это был золотой фонд «Ребуса». Двоих мне удалось перетянуть в «Вижуэл», Ирма же вдруг почему-то уволилась, и два месяца спустя я обнаружил ее, как и двоих специалистов из нашего отдела арт-проектов, в «Ребусе». Империя нанесла ответный удар. То, за что я платил Ирме пять штук баксов, Треер заплатил семь.

Жора Рогулин до сих пор не понял значимость таких краж. Но ему и некогда этим заниматься. Он коллекционирует в банке нажитые «Вижуэл» деньги и занимается воспитанием своего Моноптерус Альбуса. А между тем я трижды пытался ему втолковать, что когда

«Вижуэл» получает опытного сотрудника, «Ребус» его теряет. Вместе с новым сотрудником «Вижуэл» получает старых его клиентов, а «Ребус» их теряет. И, наконец, мы приобретаем сотрудника-предателя, которым удобно манипулировать в случае его бегства. Ирма теперь вряд ли когда устроится на работу в хорошую компанию. Вряд ли... После того, как я во время загородной пьянки со знакомым Треера закинул мульку о том, что в стан «Ребус» введена новая сотрудница, Треер уволил Ирму с треском. Он-то думал, что купил, а оказалось, что купили его... Те, кого перекупили, наиболее преданны.

По тому же методу «Тойота», собирающая «Камри» под Питером, нахлобучила волжский завод «Форд», а германская «Метро Кэш энд Кэрри» хлобучит питерскую «Ленту». В России идет кровопролитная война за людские души, и только человек с высоким лбом Рогулин пытается этого не замечать.

За пять лет я создал систему защиты от рекрутерских атак, уволил к чертовой матери половину сотрудников службы безопасности, которые занимались только тем, что жрали на вахте колбасу, принесенную из дома и завернутую в газеты, смотрели порно по кабельному за счет «Вижуэл» и спали, как сурки. Я бы уволил и начальницу службы безопасности Мухину, но Рогулину она нужна, как телохранитель. Рогулин идиот. Прежде чем его убить, его оберут до трусов, а раз он еще не раздел, то смерти ему бояться нечего.

И вот сейчас меня вышвырнули, как шелудивого пса. Меня даже не поблагодарили за службу и не наградили в качестве компенсации поездкой в Париж или ежедневником. Меня просто нагнали, и сделал это не Рогулин. У него не хватило бы ума.

Первый признак авторитета хозяина – отсутствие интриг в его маленьком мире. Но «Вижуэл» пухнет от дрызг, его блевотит сплетнями и клеветой, он корчится в агонии, и не лечить его в срочном порядке означает неминуемую смерть. Компания с такими симптомами – желанная добыча конкурентов или просто кидал. И в этот момент меня удаляют от нее. И это все равно, как если похлопать по спине реаниматолога во время коронарного шунтирования и сказать ему: «Иди, иди, мы без тебя тут управимся».

Меня уволили. Почему?..

Я никогда не покупал платиновые часы, а мои «Лонгинес» дешевле, чем у Рогулина. Мой «Мерседес» не идет ни в какое сравнение с его новой «бомбой», и когда мы садились ужинать в «Сафисе», я никогда не заказывал ягненка в черничном соусе против его яичницы. В чем дело, френды?!

Можете не поверить, но на этой тухлой теме горят многие преуспевающие вице-президенты! Я знаю Игоря Смешко, который, едва став «вицером», тут же купил «Ауди Q7» и двушку за Верховным судом. Словно нарываясь на неприятности, он щеголял в офисе в прикиде от Бриони, сиял загаром явно не солярия, такой бронзовый выходит обычно где-то под экватором, обедал в кабаке и разговаривал, гуляя по коридорам, по сотовому с камнями от Сваровски. Скоро Игоря спалили, как ветошь. Обнаружился недочет, и когда стали выяснять, куда бы могла задеваться сумма в пятьдесят тысяч долларов, все почему-то одновременно подумали об одном человеке. Игорь клялся на иконе Неопалимой Купины, что к ущербу компании не имеет никакого отношения, кричал: «Вот – кредиты, в долгах по уши, папа подарил!», но ему показали другие документы. Игорь посмотрел и вспомнил бумажки, которые ему как-то всучил на подпись менеджер то ли Петя, то ли Фердинанд, – Игорь уже и не помнил, наверное, кто. Игорь подписал – и пятьдесят штук зеленых тут же исчезли со счета компании. Вздвигнутый до состояния желающего совокупиться вепря Игорь велел призвать к ответу Петра или Фердинанда, но из предоставленных «хьюман ресорсез» данных следовало, что те уволены «вицером» Смешко. В той же, видимо, спешке, в какой подписывались бумаги. Истина восторжествовала, и деньги потом вернули другим способом, но Игорю этого не простили. На душе остался осадок того, что о человеке можно подумать как о воре, представьте, почти обоснованно. Но меня-то? Спеца, с таким трепетом следящего за тем, что происходит вокруг?

Глава 6

Обидно не то, что никто не приехал и не подставил плечо или жилетку. Обидно, что ни один из тех, кто в «Вижуэл» старательно пристраивался ко мне под бочок, набивался в приятели и даже в друзья, не позвонил. Десять минут после того как я ознакомился с приказом – и обо мне уже стали говорить в прошедшем времени. Весть об увольнении Медведева не могла не прокатиться по офису, я уверен в том, что эту тему и сейчас все обсасывают и ломают голову над немаловажным вопросом – кто теперь займет место в кабинете напротив Рогулина. Но ни один не засвидетельствовал соболезнования и даже не справился тихой сапой, не собираюсь ли я готовить отвальную. Даже Витя Лебедев, славный паренек, предложивший мне однажды дружить если уж не семьями, поскольку у меня такой нет, то хотя бы домами, не взял на себя труд снять трубку и сказать: «Я с тобой». Если до Рогулина донесется, упаси боже, слух о том, что кто-то пытался поддержать с Медведевым отношения после того, как он вышел из офиса с коробкой личных вещей под мышкой, у «хьюман ресорсез» снова будет работа. Я понимаю их всех и каждого в отдельности, но вторая моя половина, отвечающая не за физику, а за лирику, бунтует и просит крови.

«Ничего, ребята, я вам сделаю отвальную».

Зайдя в душевую, я вышел из нее новым человеком. Молодой человек, пахнувший Ambre, с безупречной репутацией специалиста в области PR-технологий и изысканным внешним видом спустился в подземную парковку и уже через полчаса поднимался на двенадцатый этаж здания, в котором четыре этажа занимает рекламная компания «Ребус».

– Я знаю, Евгений, второго такого мне не сыскать, – предлагая виски с содовой, сказал мне ее директор, Роберт Треер. – Но что я могу тебе предложить?

– Меня устроит должность начальника отдела, – сваливаясь в пропасть ненужной скромности, заверил я.

Моя душа ликовала. На своем веку я видел множество людей, погоревших на откровениях. Когда к президенту крупной компании приходит успешный человек, которого вытолкали с насиженного места, и заявляет о том, что готов занять такое же на новом месте службы, президент может не беспокоиться – этот успешный человек пришел, чтобы занять его место. Успешных людей с насиженных мест не выталкивают за распитие спиртного на рабочем месте, опоздание на работу или другую похожую провинность, являющуюся на самом деле частью работы успешного человека. «Не сошлись характерами» – отмазка для прыщавых заведующих библиотеками, которые на самом деле вряд ли смогут понять, как пять лет можно было сходиться характерами, а потом вдруг наступил кризис. Опытный топ-менеджер уровня Треера мгновенно поймет, что Медведева выставили только потому, что тот стал представлять реальную опасность для президента Рогулина. Иных объяснений быть не может.

А потому говорить ему: «Роберт, ты же знаешь, я профессионал, прими меня на работу заместителем» – глупость несусветная. Даже если предположить, что Медведев действительно не сошелся характерами с Рогулиным, во что верится так слабо, что на самом деле просто не верится, то кто поручится за то, что Медведев сойдется характером с Треером, то есть не попытается и его сдвинуть с места?

Боятся именно успешных. Опасаются в первую очередь профессионалов. А потому, если с тобой случилась неприятность, не нужно настаивать в своем резюме на том, что ты умен и успешен. Ты – менеджер среднего звена, на большее и не претендуешь. То, что тебя назначили заместителем в «Вижуэл», – ошибка. Тебя подняли на высоты, на которых твоим легким не хватает кислорода. Ты птица невысокого полета, отсюда и несходство характеров – вот оно, правильное объяснение, которое поймет любой опасливый босс. Профессионал знает, что менеджер и топ-менеджмент дышат по-разному, а потому теперь есть разумное объяснение

тому, почему наступил разлад в отношениях профессионала класса Lux Рогулина и профессионала класса Chief Executive Officer Медведева.

Все и всегда объяснять нужно обоснованно. Самая большая ошибка корпоративного «бегуна» при собеседовании – утверждение, что «там» его талант не признали, или что президент оказался сволочью. Любой президент – сволочь, об этом знает каждый из них, а потому когда «бегун» начинает мазать черной краской своего бывшего, то слушающий его нынешний ощущает, как по его лицу водят кистью. И пропитывается ненавистью к тому, кого слушает, потому что уже представляет, как именно этот пидор будет говорить о нем через полгода другому президенту.

Это уже потом, когда твоя связь с Треером натянется, когда лебедки ваших симпатий придут в движение, натягивая этот трос и укорачивая его с каждым часом, только тогда и ни минутой раньше все станет на свои места и мои слова о том, что Рогулин дурак, будут восприниматься не как оскорбление Треера, а как дань его интеллекту.

Треер поднимал на меня свой взгляд, а я, уверенно его встречая, мысленно говорил себе: «Дорогой мой, не пройдет и трех месяцев, как ты поймешь, что держать Женю Медведева на должности начальника отдела – ущерб для компании».

– Видите ли, Евгений... Я знаю, что вы яркий руководитель...

– Это заблуждение. Я просто яркий рекламист.

– ...но что мне делать с моими начальниками отделов? – Я в том смысле, – начал он мысль сначала, – что меня устраивают те, которые у меня сейчас есть, и выбросить их на улицу из соображений устройства на работу человека из конкурирующей организации лично для меня представляется невозможным.

– Именно так в свое время поступило руководство «Адидас».

– «Адидас», – со зловещим скрипом выдохнул Треер. – Война за этот «Адидас» стоила мне немалых разочарований... Кажется, именно вы стали их причиной?

– Разве это не доказательство того, что я стою должности менеджера в «Ребусе»?

– А разве я похож на того человека, Евгений Иванович, который принимает на работу тех, кто меня разочаровывает?

– Я был частью «Вижуэл», и хорош был бы я, верно, если бы отстаивал при этом интересы «Ребус», а не «Вижуэл», – качнув в стакане виски, я потребовал тем Треера шевельнуть мозгами. – Вы не похожи на того человека, Роберт, который принимает на работу однажды предавших. Хотя бы и предавших ваших врагов.

Треер улыбнулся и поставил стакан на стол.

– Евгений, быть может, я совершаю одну из самых больших своих ошибок, не самую большую, а одну из самых больших, потому что самая моя большая ошибка в жизни – это приезд в Россию, но я вынужден отказать вам.

Аппарат реального восприятия действительности дал сбой, и я невольно моргнул. То ли я сейчас слышу, что он говорит?

– Вы – носитель определенной базы информации. То, что вы сможете рассказать мне о «Вижуэл», несомненно, упрочит мои позиции на рынке, и я убежден, что Рогулин, выставив вас, совершил ошибку. Но на то, видимо, были свои причины. Вот я и думаю сейчас, что это за причины. Промаях с «Адидас» – это не причина, а повод, я всегда разделяю эти вещи. Пока мы с вами беседовали, я размышлял над тем, какие причины могли бы заставить меня изолировать от компании человека, приносящего компании бесспорную пользу. И я пришел к тому, что не задумываясь уволил бы человека, представляющего для меня реальную опасность, – Треер снова завладел стаканом и сделал глоток в знак того, что пить со мной он не считает за моветон и в словах его только искренность. – И тут я подумал так: у Рогулина оказался веский повод разделаться с вами. А если такого повода я не найду? Ведь вы из тех людей, Евгений, которые не ошибаются дважды, не так ли?

Подумав, я поставил стакан на разделявший нас столик.

– Попробовать разубедить вас после того, что вы сказали, это значит вселять в вас еще пушью уверенность в правоте собственных мыслей? – вынув платок, я промокнул губы.

Треер благодарно улыбнулся.

– Более того, эти попытки разочаруют вас во мне, поскольку моя настойчивость будет воспринята как уверенность в том, что вы – глупец, не понимающий прописных истин?

– Клянусь богом, Евгений, теперь я догадываюсь о причинах, заставивших Рогулина убрать вас из компании.

Я ошибаюсь или в глазах Треера на секунду вспыхнуло восхищение?.. Я тихо засмеялся, стараясь скрыть разочарование, которое оказалось почему-то куда больше того, что пришло ко мне после феерического вылета из «Вижуэл».

– Мне было приятно поговорить с вами, Роберт.

– Клянусь богом, отвечаю вам тем же и ручаюсь за искренность этого.

Когда я входил в «Ребус», солнечные лучи вводили в мое тело живую силу. Когда я выходил, показалось, что они ее вытягивают. Ни с чем не сравнимая духота вдруг заставила меня сорвать с шеи галстук и швырнуть его на сиденье в открытую дверь.

– Черт! – вскричал я, оказавшись в замкнутом пространстве салона. – Черт!.. Черт, черт!!

Руль сотрясался от ударов, хотя в случившемся он был виноват меньше всего. Я был смешон сейчас как никогда. Настолько сильна была уверенность в том, что меня не развернут лицом к двери, что, когда так случилось, я оказался к этому не готов. Я даже не рассматривал такого варианта. И сейчас мне даже не хотелось себя винить в том.

Я увидел девочку, гуляющую перед моей машиной с собакой, и в другой час кликнул бы ее просто для того, чтобы поговорить от нечего делать. Но сейчас я был вне себя, и никакие девочки, тем более с собаками, меня не интересовали.

Разглядывая сценку перед машиной, я вдруг успокоился. Словно принял настойку пустырника. «За все, Медведев, в этой жизни нужно платить, – пронеслось в моей голове. – Если ты готов пошутить, то не сомневайся – не пройдет и срока, чтобы не пошутили с тобой». Девочка прошла с собакой мимо машины, как тень возмездия за мое вздорное поведение.

Если бы кто видел меня в последующих три часа, он бы подумал, верно, что Медведев сошел с ума.

Сидя дома на широкой кровати по-турецки, я с наиглупейшим видом вырезал ножницами из купленных по дороге глянцевого журналов заметки и складывал их в аккуратную кучку. Когда их число перевалило за два десятка, я смел журналы на пол, вооружился ручкой и блокнотом.

Через полчаса я убедился в том, что в четырнадцати рекламных компаниях Москвы фамилию «Медведев» слышали, а в девяти – нет. Но в трех из тех, что слышали, моя фамилия ассоциировалась у директоров с национальным проектом, с которым компаниям оказалось решительно не по пути, а в одиннадцати оставшихся мне заявили, что вакансий, к сожалению, нет. Перед тем как бросить на пол клочки последней вырезки, я услышал в трубке:

– Евгений Иванович, мне звонил президент «Вижуэл» Рогулин. Кажется, ваше резюме идет впереди вас.

Кажется, мы с Георгием купили по пути одни и те же журналы.

Ошеломленный не отказами, а скотской выходкой Рогулина, которому показалось мало выставить меня из «Вижуэл», я поднялся с кровати и как зомби направился в кухню. Холодильник добродушно распахнул передо мной свои объятия, немного обиженный тем, что я встряхнул все его содержимое.

Ледяная обжигающая финская водка лилась мне в глотку прямо из бутылки, и я никак не мог напиться.

Порядком поддатый и с явными симптомами грогги, я вернулся и неловко присел на пол у кровати. Журналы бесшумно шевелились в моих руках тяжелыми листами и пахли только что снятыми с прилавка упаковками товаров народного потребления. «Крупной риелторской компании требуется специалист в области рекламы»... «Клубу „Блэк & Уайт“ требуется системный администратор»...

Бенина мама, тоска-то какая... Крупной компании требуется... Белан на них не хватает. Да знают ли они, что нельзя сверкать сообщениями о том, что ваша компания крупная?..

Финансовый аудит быстро, качественно... в связи с увеличением объемов... производственная корпорация... Скукота, вонючий снобизм, да и вообще итс нот май кап оф ти.

Я поднял бутылку и влил в себя остатки. Если бы в мой эссампшн⁹ входила вероятность оказаться за стенами привычной жизни, я непременно бы хеджировался¹⁰. Для тех, кто трезв или понятия не имеет о собачьем языке корпоративной обыденности, я объясняю: если бы мне знать, что сука Рогулин способен на такие подлости, я бы обязательно выстроил линию обороны.

Ай-я-яй, Медведев, какая неосмотрительность... Ты собирался сидеть в том кресле, наверное, до конца дней своих.

⁹ Перспектива.

¹⁰ Страховать. (Переделанное на офисный лад – «Знал бы прикуп, жил бы в Сочи».)

Глава 7

Тяжело поднявшись, я добрался до шкафа и распахнул дверцу. Есть у меня одна особенная черта, позволяющая хранить жилище холостяка в идеальной чистоте и порядке. Все носки уложены в ряд на второй полке комода, ни один CD ни на миллиметр не выступает из шеренги в стойке, и в моем шкафу никогда не найти грязной вещи. Пьяный или уставший, занятый или торопящийся, я всегда помню о том, что в квартире есть вещь, лежащая не на своем месте. На работе я вспоминаю, что оставил на столике журналы, и это беспокоит меня до вечера. Предположение, что я могу оставить открытой шампунь в душе, несвоевременно. Возможно, лет через пятьдесят я и буду забывать о таких важных вещах, как необходимость закрывать флакон «Хэд Энд Шолдерс», но не сейчас. Я категорический ненавистник беспорядка и в прошлом году по этому поводу посещал психолога. Знаю типа, который вытирает руки платком после каждого прикосновения к чему-либо. Он-то и подсказал мне адресок. Когда я рассказал о своей проблеме стройной, но непривлекательной лицом женщине, она посмотрела на меня невыносимо грустным коровьим взглядом и сказала: «Женитесь на мне. Я буду прощать вам даже измены».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.